

ВЛАДИМИР ЛЕРО

ОТОМЩЕННАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Леро

Отомщенная

«Автор»

2026

Леро В. В.

Отомщенная / В. В. Леро — «Автор», 2026

Дочь украли и убили. Убийца сумасшедший - значит, не сядет. Его запрут в мягкой клинике, где он будет лечиться таблетками. Отец сделает всё, чтобы вытащить его оттуда. Подкупит. Перешагнет через закон. Но когда клетка откроется, окажется, что настоящий монстр - это не тот, кто убил. А тот, кто пришел мстить. История падения. Без права на искупление.

© Леро В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Леро

Отомщенная

Глава 1

– Вика, просыпайся, в школу пора!

Голос отца донёлся с кухни вместе с ароматом поджаренного хлеба и паром от чайника. Вика нехотя открыла глаза, потянулась и уставилась в потолок. Тело отчаянно цеплялось за сон – за тот, где она летела в самолёте и ела облака, сладкие, как та вата, что папа покупал ей летом в парке. Запах тостов стал навязчивее. Она знала: папа уже намазал их арахисовой пастой и теперь ждёт, чтобы она выбрала варенье. Бабушкино. От одной мысли во рту стало сладко. Вика закрыла глаза, и перед ней всплыл бабушкин огород: идеально ровные ряды кустов, усыпанных ягодами. Красная, чёрная, белая смородина. Малина, от которой пальцы становились лиловыми. Клубничные грядки, где ягоды прятались под листьями. Бабушка любила ягоды больше, чем овощи, и варенье у неё получалось густым, тягучим, будто в каждой банке закатаны кусочки лета.

Вика спустила ноги с кровати, нащупала левый тапок, а правый, как всегда, запропастился. Побрела в ванную в одном. Чистить зубы не хотелось, но нужно было – не для белизны, а чтобы смыть противный утренний привкус.

На кухне папа наливал в её кружку кипяток. Пахло какао. Он поставил перед девочкой дымящийся напиток.

– Какое варенье? – спросил он, уже держа в руке тост, смазанный ореховой пастой. – Хм... – задумалась Вика.

– А сегодня какой день?

– Понедельник, вообще-то, – улыбнулся папа.

– Тогда чёрную смородину.

– А если бы был вторник?

– Не знаю. Просто сегодня захотелось чёрной смородины.

Он намазал два тоста и положил перед ней на блюдо. Вика схватила один и откусила сразу много. Разглядывая мелкие тёмные ягоды, она представляла: вот эти три собирала бабушка, а вот эти четыре, помельче, она сама. Вкус мгновенно переносил её на дачу: к домику с ломаной крышей, к походам в местный магазин, где бабушка, вопреки запрету папы, всегда покупала мороженое, а продавщица тётя Ира частенько угощала её «Чупа-Чупсом».

– Хочу к бабушке на дачу! – объявила Вика, допивая какао.

– Как лето начнётся, так сразу и поедешь. Но это ещё не скоро. За окном-то ноябрь.

Папа жарил себе яичницу с колбасой. Переложил на тарелку, кинул в кружку две ложки растворимого кофе, залил кипятком и сел на своё место – в угол, спиной к окну. Вика всегда сидела напротив.

– Беги, одевайся, портфель не забудь, – сказал он, разделяя яичницу вилкой. Подошёл к холодильнику, на котором висело школьное расписание, и вернулся за стол. Принялся за завтрак, запивая всё чёрным горьким кофе. Иногда Виктор замирал с кружкой в руке, уходя глубоко в себя, превращаясь на мгновение в неподвижную статую. В такие минуты он думал о том, как бы сложилась их жизнь, если бы десять лет назад не умерла Лена. Его жена. Мама Вики. Он остался один с крошечной дочкой на руках, и с тех пор они были вдвоём.

С Леной они познакомились в фирме, куда он устроился водителем после армии. Она работала секретарём-референтом, отвечала на звонки, разносила бумаги, всегда была в движении. Сначала общались только по работе, но он сразу заметил, как от её улыбки в груди

образуется странный, тёплый комок. Со временем он стал думать о ней всё чаще. По вечерам, ложась спать, он представлял, как они идут по осеннему парку, держась за руки, а под ногами шуршит яркая листва. Признаться боялся страшно: вдруг откажет, а потом на работе даже смотреть друг на друга будет неловко.

Стену между ними разрушил случай. В одну из рабочих поездок его машина заглохла посреди Ярославского шоссе. Двигатель не подавал признаков жизни. Оттолкнув гружёный фургон к обочине, он позвонил в офис.

– Лен, проблема. Машина встала намертво, груз на объекте, люди ждут. Что делать?

– Поняла. Где именно? – её голос был, как всегда, спокойным и деловым.

– Съезд с Мытищ.

– Хорошо, не волнуйся. Сейчас свяжусь со Славой, он решит. Жди.

Слава отвечал за логистику и транспорт. Лена знала, что по пятницам после обеда он традиционно «расслаблялся» – пил с водителями или коллегами.

– Славик, привет. У Вити ЧП – сломался под Мытищами, гружёный. Нужно перегрузить и отправить.

– А я-то тут при чём? – ответил хриплый голос. По интонации было ясно: Слава уже в градусе.

– При том, что это твоя работа, – в голосе Лены впервые зазвучало раздражение.

– На объекте люди! Машин свободных нет, послать некого! – Слава фыркнул, и на заднем фоне раздался пьяный хохот.

– Слава, придумай что-нибудь. Это срочно.

– Да не парься, щас всё будет! – трубка была брошена.

Витя прождал до шести. Позвонил в офис – никто не берёт. Позвонил Славе – тот не отвечает. Рука сама потянулась набрать Лене.

– Привет ещё раз, – сказал он, слыша на фоне музыку и гомон.

– Да, привет. Ну что, всё уже? – она вышла куда-то, стало тише.

– Как бы нет. Стою до сих пор. Слава не берёт.

– Вот же... – она сдержалась, но в голосе прозвучала искренняя досада. Он впервые слышал, как она ругается, и это прозвучало удивительно естественно.

– Слушай, я сейчас на мероприятии, могу не услышать. Но попробую что-то сделать.

– Не надо, отдыхай. Я сам как-нибудь. Спасибо.

В итоге он позвонил армейскому другу. Вместе они на прицепе оттащили сломанную машину к его дому, а утром, перегрузив товар в другую, отвезли на объект. Работа была сделана, хоть и с огромным опозданием. Телефон запищал в кармане уже под вечер следующего дня. Витя вытер руки об ветошь и ответил.

– Привет, Вить. Ну как ты? – голос Лены звучал устало. На миг ему показалось, что она звонит просто так. Потому что соскучилась.

– Всё отлично. Помог товарищ, всё утром отвёз.

– Слава богу. Извини, вчера слишком хорошо отдохнула, сегодня еле живая.

– Холодного пивка не подвезти? – пошутил он.

– Только не надо! – она засмеялась.

– Ладно, отдыхай. В понедельник разберёмся со Славиными косяками. – Давай. Выздоровливай.

А про себя подумал: «Звони чаще. Отвлекай». И представил, как она лежит дома, и ему страстно захотелось быть рядом, чтобы просто принести стакан воды.

В понедельник в офисе она встретила его своей обычной, светлой улыбкой. «Привет!» – махнула она рукой и снова погрузилась в экран компьютера. Комок в его груди сжался приятно и болезненно.

– Витя, зайди, – из кабинета начальника вышел Максим Сергеевич и жестом подозвал его. В кабинете уже сидели Слава и Михаил, прораб.

– Доброе утро, – Витя пожал руку начальнику, кивнул остальным.

– Доброе. Расскажи, что в пятницу произошло? Почему люди на объекте сутки без материалов сидели?

– Машина сломалась, Максим Сергеевич.

– У нас для таких случаев есть Слава. Он утверждает, что ты ему не звонил.

– Я звонил. Вечером.

– В шесть? Когда рабочий день уже кончился? – тут же вставил Слава, делая круглые глаза.

– Во-первых, в форс-мажорах мы должны быть на связи, – голос начальника становился жёстче. – Во-вторых, телефоны есть не только у Славы. Чтобы это был первый и последний раз, понял?

– Понял, – кивнул Витя, чувствуя, как закипает.

В этот момент в кабинет, не постучав, вошла Лена.

– Прошу прощения, Максим Сергеевич, что вмешиваюсь. Но Витя позвонил мне сразу, в районе двух дня. Я тут же перезвонила Славе и всё объяснила.

– Слава? – начальник медленно повернулся к логисту, и его лицо потемнело.

– Да она врёт! Никто мне не звонил! – Слава даже бровью не повёл. Лена смотрела на него, не веря его наглости. Он либо был настолько пьян, что не помнил, либо решил отбрехаться. Она ждала, что он одумается, но он лишь зло буркнул: – Чё уставилась? Нечего на меня свои косяки вешать!

– Слава, ты с ума сошёл? – вырвалось у неё.

– Сама-то за словами следи!

Витя напрягся, не сводя глаз со Славы.

– А ты в курсе, – голос Лены вдруг стал ледяным и чётким, – что все рабочие линии пишутся? Слава заметно побледнел. По его лицу было всё понятно.

– В смысле? – выдавил он.

– В прямом. Я тебе звонила в 14:03. И на записи будет прекрасно слышно, в каком ты был состоянии. – Последнюю фразу она адресовала уже начальнику.

– Слава... Боже ж ты мой... – Максим Сергеевич побагровел. – Всё, свободны. А ты – остаёшься.

Витя вышел за Леной, прикрыв дверь. За спиной оставался нарастающий, приглушённый стеной, гневный монолог шефа. Лена, бледная от злости, села за свой стол и начала яростно наводить порядок, сминая и выбрасывая ненужные бумаги.

– Спасибо, – тихо сказал Витя, когда она немного пришла в себя.

– Да не за что. Он просто бесит. Бухать – бухай, но других подставлять... Хорошо, что ты сам выкрутился.

Дверь кабинета распахнулась, и Слава, красный, словно рак, выскочил оттуда. Он бросил на Лену убийственный взгляд и стремительно исчез в коридоре. Витя достал пачку сигарет, оставалось три штуки, и пошёл к курилке на лестничной клетке. Ему нужен был глоток воздуха и минутка, чтобы остыть. Подходя к полуоткрытой двери, он услышал знакомый хриплый голос: – ...Представляешь, из-за этого уродца, у которого тачка встала, эта стерва меня начальнику сдала! Штраф выписал, премию срезал! Из-за каких-то мудаков!

Слава стоял спиной, делясь с двумя водителями и менеджером из соседнего офиса. Он обернулся, увидел Виктора и на секунду замер. Мысль промелькнула, холодная и чёткая: «Сейчас». Не ярость, не вспышка гнева, что-то гораздо более спокойное и неумолимое. Удар пришёлся точно в челюсть, с глухим, костистым щелчком. Слава, не успев издать ни звука, опроки-

нулся назад, его тело распахало тяжёлую дверь на улицу, и в курилку ворвался поток холодного сентябрьского воздуха.

– Витя, ты что творишь?! – вскрикнул один из водителей, бросаясь к бесчувственному телу. Виктор не ответил. Он посмотрел на свою слегка занывшую костяшку, разжал кулак и медленно пошёл к лифту. В голове, уже остывающей, пронеслись мысли об увольнении, статьях, проблемах. Но где-то глубоко внутри, под всем этим, было странное, пугающее удовлетворение. И он понимал, что поступил бы так снова. Не из-за себя. Из-за неё. Из-за той, что заступилась за него.

На следующий день после драки Витю вызвали к начальнику. Максим Сергеевич, хмурый и серьёзный, долго смотрел на него поверх очков.

– Увольнять буду обоих, – отрезал он. – Славу – за пьянство на рабочем месте и саботаж. Тебя – за рукоприкладство. Прецедент. Не могу оставить. Витя кивнул, внутренне сжавшись. Работа была кормилицей, альтернатив он не видел.

– Впрочем, – начальник откинулся в кресле, – Лена... то есть, Елена принесла запись разговора. И сказала, что Слава оскорблял её. Можно трактовать как провокацию с его стороны. И у меня для тебя есть вариант.

Вариантом оказалась вакансия водителя на другом объекте, в другом конце Москвы. Фактически – понижение и ссылка, но с сохранением работы.

– Согласен, – тут же сказал Витя.

– И последнее, – Максим Сергеевич снял очки. – Заступился за девушку – это, в принципе, понятно. Но в моём офисе больше драк не будет. Иначе – сразу за дверь. Всё.

Выйдя из кабинета, Витя увидел Лену у кулера. Она наливала воду, но взгляд её был устремлён куда-то вдаль.

– Спасибо, – сказал он, подходя. – За запись. Меня не уволили. Она обернулась. В её глазах была смесь облегчения и тревоги.

– Меня уволили бы с чистой совестью, – честно признался он. – Я сам напросился. Но ты... зачем ввязалась? Он мог тебе навредить.

– Потому что это было по-честному, – просто ответила она и допила воду. – А ещё потому, что я терпеть не могу, когда врут прямо в глаза. И когда хороших людей... в общем. Рада, что всё обошлось. Она улыбнулась, и этот день, несмотря на все проблемы, вдруг показался ему светлым.

– Лен... Может, за это «по-честному» я тебя как-нибудь отблагодарю? Кофе? Или... куда-нибудь? – слова выскочили сами, прежде чем он успел их обдумать. Лена замешкалась, смотря на него. Не так, как на коллегу, а приглядываясь.

– Знаешь, что, – наконец сказала она. – После такого дня кофе – это слабовато. Лучше ужин. В пятницу. Если, конечно, не передумаешь. Он не передумал.

Их первое свидание прошло в маленькой грузинской харчевне, где на столах стояли банки с маринованным чесноком, а со стен смотрели пожелтевшие фотографии Тбилиси. Он волновался так, что забыл, как резать хачапури, и чуть не перевернул графин с домашним вином. Она смеялась, не смущаясь, и сама показала, как правильно отламывать куски от сырного «лодочки». Они говорили обо всем и ни о чем: о книгах (оказалось, оба любят старые детективы), о глупых офисных традициях, о том, как она в детстве боялась дворника, а он – темноты в подъезде. Когда провожал ее до дома, дошел только до подъезда, боясь показаться навязчивым. Она, стоя на ступеньке, повернулась и сказала: «Знаешь, Витя, ты... очень правильный. Иногда даже слишком». И прежде, чем он нашелся что ответить, легонько потянула его за шарф, поцеловала в щеку и скрылась за дверью. Он шел домой пешком два часа, не чувствуя усталости и холода, с ощущением, что у него за спиной выросли крылья.

Следующие полгода пролетели в одно счастливое мгновение. Они встречались тайком от коллег (хотя все всё равно всё знали), ходили в кино на дневные сеансы, гуляли по паркам,

уже покрытым снегом, и пили капучино в переполненных торговых центрах. Он влюбился по полной программе. Любил ее спокойный смех, то, как она хмурила брови, читая меню, как по утрам ее голос был сиплым и бархатистым. Он ловил себя на том, что планирует день вокруг ее звонков, а в магазине автоматически ищет ее любимое печенье. Она стала не просто девушкой - она стала центром его вселенной, источником тепла и смысла, которого так не хватало после армии и одиноких будней. Через восемь месяцев он сделал предложение. Не в ресторане, а дома, после того как они вдвоем собрали комод из ИКЕА, обливаясь потом и смеясь над кривыми инструкциями. Он достал кольцо (простое, золотое, на всю его тогдашнюю зарплату) и, запинаясь, сказал: «Лен... Я не знаю, как жить дальше, если ты не будешь там, где вот этот комод. И где я. Всегда». Она не сказала «да» сразу. Она расплакалась, а потом долго смеялась сквозь слезы, повторяя: «Дурак, надо было после душа, а то я вся липкая!». Но кольцо надела. И не снимала.

Свадьбу играли скромную, но шумную, в загородном клубе, который сняли на сутки. Гостей было немного: родные, несколько самых близких друзей с работы (те, кто не перешел на сторону Славы), его армейские товарищи. Танец и «месть» за комод. Первый танец молодых должен был быть под лирическую балладу. Но когда ведущий объявил, из колонок грянул залихватский «Студент» группы «Руки Вверх!». Это была месть друзей-армейцев за тот самый комод, историю сборки которого Лена с юмором рассказывала. Витя на секунду опешил, но Лена, не моргнув глазом, схватила его за руки и потащила в бешеный пляс. И они отплясывали так отчаянно и весело, под одобрительный рев гостей, что это стало главным хитом вечера.

Витина бабушка, разгоряченная шампанским, встала и начала одаривать молодых «традиционными» пожеланиями, которые тут же сочиняла сама. Самое запомнившееся: «Чтобы муж был как хомячок - в щеках носил все в домок! А ты, Леночка, как белочка - чтоб дома все блестялочка!». Рифма была так плоха, а исполнение так искренне, что все хохотали до слез.

Свадебный торт, двухъярусный, украшенный сахарными фигурками жениха и невесты, таинственно исчез со стола на полчаса. Паника сменилась всеобщим смехом, когда его обнаружили... в беседке на улице, где его с остервенением и серьезными лицами «охраняли» от посягательств двое шестилетних племянников Вити и дочка подруги Лены. Они искренне считали, что торт могут украсть, и решили его защищать. Пришлось вести переговоры и выкупать торт конфетами. Поздним вечером, когда основная часть официальной программы была позади, а гости разбились на группы по интересам, разгорелся «мужской спор». Речь зашла о том, кто лучше помнит армейские будни Вити. Его друг Санька, уже изрядно выпивший, начал с пафосом рассказывать историю, как Витя на учениях сутки пролежал в засаде в сугробе. А его армейский же товарищ, Леха, начал поправлять: мол, не сутки, а шесть часов, и не в сугробе, а в канаве.

- Да я тебе говорю, сугроб был по самые уши! - рявкнул Санька.

- Канавка! И ты там не был, тебе Витька потом рассказал! - не сдавался Леха.

Спор быстро перешел на личности («Ты всегда врун был!», «Сам ты сопливый!»), и в какой-то момент Санька, для убедительности, легонько толкнул Леху в грудь. Тот, не ожидая, отшатнулся и сел прямо в большой свадебный торт, который уже стоял порезанный на столе (дети к тому времени «охрану» сдали).

На секунду воцарилась тишина. Все смотрели на Леху, сидящего в остатках крема и бисквита. А потом он сам, оглядев себя, медленно поднял палец, обмазанный кремом, дотронулся до лба Саньки, оставив белое пятно, и произнес с трагическим пафосом: «Меченый».

Взрыв хохота был всеобщим. «Драка» моментально превратилась в импровизированную битву на тортах. В ход пошли оставшиеся куски, крем со столов, а потом и взбитые сливки из кофейного бара. Витя, пытаясь защитить Лену, получил прямым попаданием в лицо кремовым розаном, а она, хохоча, вытерла ему щеку, и сама запустила в нападавших (своего дядю и брата Саньки) небольшим пирожным «картошкой».

Закончилось все всеобщим перемирием, фотосессией в виде «победителей сладкой битвы» и совместной уборкой, которую инициировала, конечно же, Лена, уже сменившая платье на домашний халат. Она раздавала гостям тряпки и губки, командуя: «Кто дрался - тот и убирает! А молодые - идут отдыхать!».

Их увели в номер, осыпая остатками конфетти и смехом. Отмываясь в душе уже вдвоем, Витя обнял ее, все еще пахнущую кремом и счастьем, и прошептал: «Это был лучший день в моей жизни».

«Пока что», - улыбнулась она ему в ответ, и он знал, что она права.

«Пока что» - оказалось самым страшным словом в его жизни. Их «долго» продлилось чуть больше года. Их «счастливо» разбилось о холодный кафель роддома в четыре утра. Лена смеялась, даже когда начались схватки. Говорила: «Главное – торжественный выход. Никаких слёз!» Он держал её руку, и ему казалось, что так будет всегда, он сможет отдать ей всю свою силу, забрать её боль. Но боль оказалась сильнее. Сильнее его, сильнее врачей. Сначала всё шло как по учебнику, а потом лица акушерок стали меняться. Голоса стали резкими, полными скрытой паники. Его оттеснили от неё. Последнее, что он увидел, это её взгляд, полный не столько страха, сколько извинения. Как будто она говорила: «Прости, Вить, не дотянула». Ему принесли крошечный, кричащий свёрток. «Поздравляем, у вас дочка». А через час, севшим голосом добавили: «Соболезнуем... спасти не смогли. Сердце не выдержало нагрузки».

Он стоял между двумя дверями. В одной палате лежала его дочь, новая, хрупкая жизнь, которая стояла ему самой старой и самой дорогой. В другой, под белой простыней было тело его жены, его Лены, его «пока что», которое так и не наступило. В тот миг внутри него что-то сломалось, замёрзло и покрылось толстой корой льда. Остался только этот кричащий комочек – Вика. Единственная причина дышать.

Витя допил чай, сполоснул кружку и поставил её вверх дном на сушилку. Вика уже стояла в прихожей одетая, с розовым рюкзаком за плечами, в руках, мешок со сменкой. Он наскоро сунул ноги в кроссовки с помощью ложки, затянул шнурки, сорвал с вешалки куртку и вышел вслед за дочкой, щёлкая замком. В лифте натянул куртку, задев рукавом Вику по лицу.

– Ну, пап! – она фыркнула, отстраняясь.

– Извини, солнце. У тебя сегодня сколько уроков?

– Пять. Плюс допы и шахматы. – Напиши, во сколько тебя забрать. – Я уже взрослая. Могу сама, – она надула губки. – У нас в классе многие сами ездят.

– Ну и молодцы. А я просто люблю проводить с тобой время. Вечером, кстати, с тебя партия в шахматы.

– Ладно, – она не решила, обижаться ей или радоваться.

Они сели в машину, новый «Фольксваген Поло», взятый в кредит полгода назад. Работа в такси не приносила былого удовольствия, зато давала гибкий график для одинокого отца:

отвезти, поработать, забрать, снова работать, пока дочка дома. Денег хватало, чтобы платить по кредиту и жить без роскоши, но в тепле и уюте.

– Мы на выходных к бабушке с дедушкой поедем? – спросила Вика, пристёгиваясь на бустере.

– Да, конечно. Раз в месяц они навещали его родителей в частном доме под Бронницами. Это был ритуал: мать закатывала пир, отец – топил баню, и дом наполнялся шумом, смехом и запахом пирогов. Они подъехали к школе. Вика выскочила, хлопнула дверью и послала ему воздушный поцелуй. Он поймал его в ладонь, прижал к сердцу и улыбнулся. Пока она скрылась в школьных дверях, он включил приложение. Почти мгновенно прилетел заказ. Всего пять минут до точки.

Клиентка ждала на тротуаре. Девушка лет тридцати, в обтягивающих джинсах и кожаной куртке, слегка покачивалась. Утро, а уже пьяная, подумал Витя. Главное, чтобы не стошнило в салоне. Она сверила номер, села на переднее пассажирское сиденье и, не пристёгиваясь, развалилась, повернувшись к нему.

– Пристегнитесь, пожалуйста, – вежливо, но твёрдо сказал он.

– А если не хочу? – в её голосе звучал вызов и лёгкая насмешка.

– Тогда, боюсь, мне придётся отменить поездку. И вам – заплатить штраф.

– Ну ладно, ладно, – буркнула она, с третьей попытки защёлкнув замок.

Навигатор показывал путь в область, почти час. Витя мысленно выругался: обратно придётся ехать порожняком, жечь бензин впустую. Он тронулся. Девушка продолжала разглядывать его с ног до головы. Ей, видимо, показалось, что водитель симпатичный. И замечание насчёт ремня он сделал не грубо.

– А можно музыку? – спросила она.

– Конечно. Что включить?

– Что-нибудь... приятное. А вы что любите?

– «Монте-Карло» обычно слушаю. Он нажал кнопку. Из динамиков полился бархатный бас Шарля Азнавура. Девушка удивлённо приподняла бровь, потом улыбнулась, закрыла глаза и стала слегка покачивать головой в такт музыке. Осенняя мелодия идеально сливалась с мелькавшим за окном золотом листвы. Когда песня закончилась, она открыла глаза. Взгляд её был уже другим, заинтересованным, изучающим.

– А как вас зовут? – Виктор. – Виктор... – она повторила, и в её голосе прозвучала какая-то усталая нежность.

– Меня Алёна. Спасибо, что не смотрите на меня как на отброс общества. Пьяная баба с утра понедельника.

– Бывает, – коротко кивнул он.

– Со мной-то как раз «бывает» впервые, – она горько усмехнулась, глядя в окно на мелькающие огни. – Я обычно очень правильная. Офисный менеджер. Утро кофе, планёрка, Excel. Вечер сериал, маска для лица, сон. А вчера... вчера я хоронила год своей жизни. С помпой. Две подруги, три бутылки вина и куча слёз в ванной. Хорошая была вечеринка, кстати. Жаль, что по такому поводу.

Виктор молчал, давая ей говорить. В её интонациях не было истерики, только опустошение, выгоревшее дотла. Ей нужно было выговориться.

– У нас в офисе год назад появился новый, – начала она, будто рассказывая незнакомую историю. – Костя. Из IT-отдела. Улыбка до ушей, глаза добрые, со всеми шутил. Даже нашей бухгалтерше Тамаре Петровне, железной леди шестидесяти лет, он как-то розу из бумаги на 8 Марта скрутил. Все в него были по уши... Ну, вы понимаете. Она замолчала, собираясь с мыслями. Виктор тихо свернул на трассу, машина набрала ровную скорость.

– Косте я понравилась. Он говорил, что такого, как я, ещё не встречал. Что я не «офисная кукла», а настоящая. Начали встречаться. Сначала тайком, потом уже не скрывали. Он был...

идеальным. Цветы, ужины, поездки за город. Говорил, что семья у него это так, формальность. Жена, с которой они уже пять лет как чужие, спят в разных комнатах, живут вместе только из-за маленькой дочки. «Дай срок, – говорил, – вот только с работой у неё уладим, разведёмся, и будем вместе». Я верила. Как дура.

Голос её дрогнул. Она отвернулась к стеклу, чтобы скрыть навернувшиеся слёзы.

– Целый год верила. Вчера была наша годовщина. Ну, как, годовщина первого поцелуя в копируме. Я хотела сделать сюрприз, купила билеты в Питер на выходные. Приехала к нему домой... ну, не домой, к дому. Хотела вручить ему конверт у подъезда. И вижу, он выходит с коляской. А рядом жена. И она... ну, не просто толстая. Она явно беременна. На хорошем таком сроке. И он так осторожно её под локоть ведёт, на кочке придерживает... Как стеклянную. Она резко вытерла ладонью щёку.

– Я, как идиотка, подошла. Сказала: «Костя, что это?». А он... он даже не смутился. Посмотрел на меня, как на назойливую муху, и говорит жене: «Это та самая психованная из моего офиса, я тебе говорил». А потом мне, уже холодно так: «Алёна, мы расстаёмся. У меня скоро будет сын. Не звони мне больше».

В салоне воцарилась тяжёлая тишина, нарушаемая только шумом двигателя.

– И всё? – тихо спросил Виктор. В его собственном голосе он услышал что-то новое – не сочувствие, а скорее... узнавание. Узнавание той породы боли, которая не кричит, а методично выедаёт всё внутри.

– А что «всё»? – она фыркнула, но это звучало как всхлип. – Я выбросила билеты в ближайшую урну. Позвонила подругам. Они примчались с вином. Мы пили, я орала, рыдала, потом мы смеялись как сумасшедшие над всей этой ситуацией... А сегодня утром я проснулась и поняла, что год моей жизни, это просто дурацкая, пошлая история, которую даже в женском романе стыдно опубликовать. «Девушка поверила женатому альфонсу». Клише. И от этого ещё обиднее. Будто моя боль даже не уникальна.

Она повернулась к нему, и в её мокрых от слёз глазах Виктор увидел не просто жертву некрасивой истории. Он увидел стыд. Стыд за то, что позволила себя обмануть, стыд за свою «дешёвую» драму. И этот стыд был ему до жути знаком. Он ведь тоже стыдился. Стыдился своей беспомощности, когда умерла Лена. Стыдился своей ярости, которая казалась ему недостойной.

– Вы не штамп, – неожиданно для себя сказал он, глядя прямо на дорогу. – Вы просто попали под колёса чужой подлости. В этом нет вашей вины. Только ваша беда. Алёна смотрела на него, широко раскрыв глаза, будто он сказал что-то волшебное.

– Вы... первый, кто так сказал. Все твердят: «Я же тебя предупреждала», «Мужиков надо проверять», «Сама виновата».

– Предупреждать всегда легко постфактум, – бросил он. – А в момент, когда тебе говорят правильные слова, глядя в глаза... им верят. Это нормально. Ненормально – так поступать, как поступил он.

Она молчала, переваривая его слова. Потом тихо выдохнула: – Спасибо, Виктор. Вы... очень странный таксист. В хорошем смысле. Вы как будто всё понимаете без слов. Потому что я тоже живу в аду, – пронеслось у него в голове.

– Просто езжу много, людей разных вижу, – сказал он вслух.

– Мне от этого несколько не легче, но... как будто дышать стало проще, – призналась она. Извините, что вывалила на вас всю эту мыльную оперу.

– Ничего. Иногда с незнакомцем проще.

Они доехали почти молча. Когда он остановился у простой панельки в области, она полезла в сумку.

– Вот, держите, – она протянула купюры. И вдруг, нерешительно, маленький, смятый клочок бумаги – видимо, чек. На обороте был написан номер телефона.

– Это... если будете в этих краях и будет свободная машина. Или... просто если захочется поговорить. Я теперь знаю, что вы умеете слушать.

Он взял и деньги, и бумажку. Не выбросил. Положил в отсек на панели.

– Крепитесь, Алёна, – сказал он на прощание.

– Постараюсь, – она слабо улыбнулась и вышла.

Виктор смотрел, как она, немного пошатываясь, идёт к подъезду. Она была не похожа на Лену. Лена была жёсткой, как закалённая сталь. Эта, надломленной тростинкой. Но в этой хрупкости, в этой беззащитности перед бытовой подлостью было что-то, что отозвалось в нём глухим эхом. Он представил свою Вику через двадцать лет: такую же доверчивую, такую же уязвимую для любого, кто умеет говорить правильные слова. И холодная, сжатая волна, которую он годами держал на голодном пайке, вдруг шевельнулась внутри. Он резко тронул с места.

Бумажка с номером лежала на виду. Он не стал её убирать. Пусть лежит. Напоминание. Виктор развернулся и поехал обратно в город, оставляя за бортом унылые кварталы. В салоне ещё витал её запах, не парфюм, а что-то простое, вроде геля для душа с зелёным яблоком и лёгким винным шлейфом. Он открыл окно, но холодный воздух не выдувал образ из головы. «Вы очень странный таксист. В хорошем смысле». Слова вертелись в мозгу навязчивой мелодией. Он был не странным. Он был пустым. А она, со слезами и смятым чеком, была живой. Слишком живой. И в этой жизни была та самая уязвимость, которая когда-то привела его к Лене и которую он потом похоронил вместе с ней. Быть уязвимым, значит дать миру шанс причинить боль. Он этот шанс больше не давал. Но почему тогда он не выбросил бумажку?

Навигатор запищал, предлагая новый заказ. Рабочая рутина поглотила его. Дальше были: молодая мать с кричащим младенцем, от которой пахло детской присыпкой и усталостью; пожилой мужчина, который всю дорогу молча смотрел в окно, а потом, расплачиваясь, сказал: «Спасибо, сынок. Редко теперь молча ездить дают»; студенты, громко спорящие о чём-то своём. Он был автоматом. Улыбался ровно настолько, насколько требовал протокол вежливости. Отвечал односложно. А в голове, под этот шум, тихо прокручивался диалог с Алёной. Её история была банальной. Но в этой банальности был жуткий, вселенский беспорядок. Хорошие люди верят обещаниям. Плохие дают их, не собираясь выполнять. Мир был устроен несправедливо, и эта мысль не была для него новостью. Но сегодня она обрела конкретное, хрупкое лицо. Не абстрактное «зло», а слеза на щеке конкретной девушки.

Он приехал за Викой как раз к последнему звонку. Она выскочила из школы, покрасневшая, с прядями волос, выбившимися из-под шапки, и сразу полезла на переднее сиденье.

– Пап, привет! Мы сегодня на математике контрольную писали, я, кажется, на пятёрку! И Кристина... Она захлебнулась новостями, но вдруг замолчала и пристально посмотрела на него. – Пап, а ты чего такой?

– Какой? – он флегматично перестроился в ряд.

– Не знаю... Другой. У тебя глаза не грустные. Ну, не такие, как обычно. Он удивился. Дети замечают то, что взрослые давно перестали видеть. Он не думал, что она фиксирует эту вечную, фоновую тяжесть в его взгляде.

– Устал, наверное, – отмахнулся он. – Работы много.

– Нет, – Вика покачала головой с непоколебимой уверенностью шестиклассницы. – Не устал. Ты... спокойный. Ну, или не спокойный. Просто не хмурый. Он ничего не ответил, просто потянулся и пощекотал ей шею. Она взвизгнула от смеха и отбилась.

Вечером, после ужина, он, как всегда, достал шахматную доску. Вика уже подтягивалась, готовясь к партии. Они играли почти каждый день, и последние полгода он методично обыгрывал её, уча видеть комбинации на три хода вперёд. «Шахматы – это война, – говорил он. – И прощать слабости противнику нельзя. Даже если это я». Но сегодня что-то изменилось. Его разум, обычно сфокусированный на доске, был рассеян. Он видел не фигуры, а смятую бумажку в бардачке. Слышал не тиканье часов, а её голос: «Вы как будто всё понимаете без

слов». И он пропустил простую связку. Вика, поставив мат его королю, замерла с широко раскрытыми глазами, будто совершила что-то запретное.

– Пап... ты проиграл? Он посмотрел на доску, потом на её изумлённое, сияющее лицо. И неожиданно рассмеялся. Настоящим, живым смехом, который вышел хриловатым от неиспользования.

– Да, капитан. Разгромное поражение. Ты меня сделала.

– Ура! – она вскочила и запрыгала вокруг стола. – Я тебя обыграла! Я тебя обыграла-а! Мама бы гордилась!

Слово «мама» повисло в воздухе. Обычно оно било его, как обухом, заставляя внутренне сжаться. Сегодня укол был, но не такой острый. Словно между ним и болью встала мягкая прослойка.

– Конечно, гордилась бы, – тихо сказал он, собирая фигуры. – Она всегда знала, что ты будешь умнее меня. Он уложил Вику спать, выслушал её восторженный пересказ партии для воображаемой мамы, погасил свет. Стоя на кухне в темноте, он смотрел на своё отражение в чёрном окне. Встреча с Алёной была как камень, брошенный в стоячее болото. Круги расходились, поднимая со дна то, что он давно похоронил: простую человеческую симпатию, смех дочки, память о Лене без привкуса яда. Это было опасно. Эти чувства делали его мягче. А ему предстояло стать твёрже. Сначала она. Он имел в виду Вику. Но в какой-то тёмной, глубокой части души, куда он сам боялся заглядывать, уже маячил другой образ. И это пугало его больше, чем любая предстоящая жестокость.

Прошло несколько дней. Виктор почти вытеснил из головы ту утреннюю поездку и смятый чек. Жизнь вернулась в свою колею: школа, такси, шахматы, сон. В среду у Вики был выходной из-за педсовета.

– Пап, можно я с тобой покатаюсь? Как в детстве? – попросила она. Он не смог отказать. Она сидела на заднем сиденье, уткнувшись в планшет, а он ловил заказы. И вот прилетел новый. Всего десять минут до точки.

– Вика, пристегнись. Подвезём одного пассажира. Она кивнула, не отрываясь от экрана.

Они остановились у невзрачной пятиэтажки. Из подъезда вышел молодой человек. Виктор заметил его ещё издали. Он выглядел так, будто старался занять как можно меньше места в пространстве. Сгорбленные плечи, поношенная тёмная куртка неясного фасона. Джинсы, выцветшие на коленях. Волосы тёмные, чуть длиннее нормы, сальные, висящие неопрятными прядями, частично скрывающие лицо. Когда он подошёл ближе, Виктор мельком разглядел его черты. Лет двадцати четырёх. Лицо уставшее, землистое, как у того, кто редко бывает на солнце. Глаза самые запоминающиеся. Не тупые. Пустые. В них не было ни интереса, ни злобы, ни обычной человеческой усталости. Два выгоревших экрана.

Парень сел на переднее сиденье, машинально пристегнулся и прохрипел адрес, районный ТЦ. Машина тронулась. В салоне повисло неловкое молчание, нарушаемое только тихим голосом из планшета. Пассажир казался абсолютно инертным, уставившись в стекло. Но всё изменилось, когда Вика случайно уронила планшет. Он грохнулся на пол, мультик прервался. Она наклонилась, чтобы поднять.

– Осторожно, не засунь палец в разём, – автоматически сказал Виктор. Из заднего ряда послышался детский смешок:

– Пап, я не маленькая уже!

Пассажир ожил. Он медленно, почти роботизировано, повернул голову и заглянул на заднее сиденье. Его пустой взгляд уперся в Вику, и в нём что-то дрогнуло. Зажглась крошечная, но жадная искорка.

– Это... ваша дочка? – спросил он. Голос тихий, глуховатый, будто давно не использовался по назначению.

– Да, – коротко бросил Виктор, чувствуя внезапный, ничем не обоснованный спазм неприязни.

– Здорово... – парень не отводил взгляда. – Меня зовут Артём. А тебя?

– Вика, – воспитанная не грубит взрослым, хоть и нехотя, ответила девочка.

– Классное имя. В каком ты классе?

– В шестом.

– Шестой... – Артём задумался, будто производя сложные вычисления. – Значит, тебе одиннадцать? Двенадцать?

– Одиннадцать, – сказала Вика и снова уткнулась в планшет, давая понять, что разговор окончен.

Но для Артёма он только начинался. Искра в его глазах разгоралась. Он уже не смотрел в окно. Его сгорбленная поза выпрямилась на пару сантиметров.

– Я раньше тоже в школе недалеко отсюда учился. В сто двадцать восьмой. Может, ты знаешь? Там, возле парка. Виктор нажал на газ, стараясь сократить поездку. Пальцы побелели на руле. В этом человеке было что-то не так. Не опасно. Криво. Жалко. Будто он впервые за долгие годы пытался наладить контакт с живым человеком и делал это максимально неловко, словно изучая человеческие ритуалы по инструкции.

– Не знаю, – буркнула Вика.

– А в какую ты школу ходишь? – не унимался Артём. Вопрос прозвучал слишком настойчиво для случайной беседы.

– Сто семьдесят четвёртая гимназия, – машинально ответила она.

Виктор резко вмешался, голос стал стальным, без права обжалования.

– Дочка, не отвлекайся. В планшет в дороге вредно. Лучше в окно посмотри. Это был явный сигнал – и ему, и ей. Вика, почувствовав смену тона отца, послушно отложила устройство и уставилась в стекло. Артём замер. Он повернул голову, посмотрел на Виктора, встретился с ним взглядом и быстро отвёл глаза, словно обжётся. Жадная искорка погасла, снова сменившись привычной пустотой. Он сжался в кресле, будто пытаясь стать меньше, невидимым. Остаток пути они молчали. Напряжённая, густая тишина заполнила салон. Виктор чувствовал на себе взгляд дочери, она ничего не понимала, но чувствовала его холод.

Они высадили Артёма у торгового центра. Он молча вышел, даже не попрощавшись, и побрёл ко входу, сгорбившись, растворяясь в толпе. Та же нелепая, жалкая фигура. Виктор выдохнул только тогда, когда тот скрылся из виду.

– Пап, а что это он такой странный? – спросила Вика.

– Не знаю, солнце, люди разные бывают, – сказал он, но внутри всё сжалось в холодный, твёрдый комочек. Это была не просто неприязнь. Это было предчувствие. Глупое, иррациональное, но невероятно сильное. Он смотрел вслед этому пустоглазому существу и думал: «Вот он. Тот, кто живёт на обочине. Кого все пинают. И в ком тихо, по капле, копится яд на весь мир». Он не знал, насколько будет прав.

Артём родился у немолодой уже женщины, Марии, работавшей уборщицей. Отца он не знал, в метрике стоял прочерк. Мать, уставшая от жизни и работы, любила его странной, удушьющей любовью: могла неделями не замечать, что он ходит в грязной одежде, но панически боялась, что он простудится, и заставляла пить странные травяные отвары. Дома всегда пахло затхлостью, дешёвым супом и отчаянием. В школе он стал мишенью с первого класса. Тихий, не умеющий дать сдачи, в мятых вещах. Дразнили «вонючкой» и «подкидышем». Попытки подружиться были жалкими и обречёнными. В пятом классе он принёс одноклассникам пачку чипсов, «чтобы вместе поесть». Чипсы отобрали, а его самого отпихнули. В седьмом он влюбился в Олю из параллельного класса. Месяц копил деньги с завтраков, купил коробку конфет и нелепую открытку с котятами. Положил ей в портфель. Оля, обнаружив подарок, с визгом выбросила конфеты в урну, а открытку приколотла скотчем к доске объявлений. Надпись

обвели красным маркером. Он неделю ходил под тихий смех и шёпот за спиной. После этого он окончательно перестал смотреть людям в глаза. Его взгляд стал пустым, это был щит. Если ты ничего не фиксируешь, тебе не может быть больно.

Спасением стал старенький компьютер, купленный матерью по случаю его дня рождения. В интернете он был не Артёмом-вонючкой, он был Аргоном, непобедимым эльфом-воином. В играх он был силён. Здесь были чёткие правила: выполнил квест, получил награду. Проявил навык, стал уважаемым в гильдии. Пока не пришлось общаться в голосовом чате, после чего его тихо выгнали. Реальность была хаосом, где его били просто за то, что он есть. Виртуальность - упорядоченным миром, где можно было контролировать хотя бы пиксельного персонажа.

Параллельно с играми в его жизни появился другой мир - порнография. Вторая вселенная с чёткими алгоритмами: красивые женщины хотели секса. Всегда. С кем угодно. Или, по крайней мере, с теми, кто смотрит на них с экрана. Это создало в его голове исковерканный идеал отношений: женщина - объект, который должен хотеть. Если она не хочет, она просто не «настоящая», или с ней что-то не так. Реальные провалы только укрепляли его в этой мысли: они все «стервы» и «дуры», не соответствующие правильному, понятному миру с монитора.

После ПТУ он попал консультантом в магазин бытовой техники. Идеальная работа: не нужно много общаться, главное, знать характеристики. Он мог монотонно перечислять: «Эта модель с инверторным компрессором, класс энергопотребления А++, объём 320 литров». Люди кивали, иногда покупали. Он был как голосовой помощник из плоти и крови. Коллеги терпели его за не конфликтность. Сначала пытались «встроить»: звали в курилку, на корпоративы. Он молча стоял в сторонке, сжавшись. Его тихие попытки что-то сказать тонули в гомоне. Его стали считать чудачком, потом, просто пустым местом. Шутки были незлыми, но от этого не менее унижительными. «Артём, тебе девушку найти, что ли?» – «Да куда ему, он с микроволновками лучше ладит». Смешки. Он улыбался кривой, напряжённой улыбкой, будто это и правда смешно.

А потом была Настя, кассир. Молодая, улыбчивая, со всеми приветливая. Она и ему однажды сказала: «Артём, привет, как дела?» – обычную вежливую фразу. Для него это стал сигнал. ОНА ВИДИТ МЕНЯ. ОНА ДОБРАЯ. В его искривлённой реальности вежливость была равна интересу. Он неделю наблюдал за ней, строил фантазии, где они вместе, где она, наконец, оценит его. Купил дорогую шоколадку и, дождавшись, когда она одна выйдет на перекур, подошёл. Голос подвёл, заперся в горле. Он просто молча протянул конфеты. Настя удивилась, вежливо улыбнулась: «О, спасибо! Но что за повод?» «Пойдёшь... пойдёшь со мной в кино?» – выдавил он, глядя куда-то ей в подбородок. Улыбка застыла, сменилась замешательством и лёгкой брезгливостью. «Артём, я... занята. Вообще. Извини». Она сунула шоколад обратно ему в руку и быстро ушла. На следующий день весь отдел знал. Фразу передразнивали хриплым шёпотом в курилке. Настя стала его избегать. Его мир рухнул. Очередная «стерва». Очередное подтверждение, что реальные женщины - ошибка. Всё, что ему нужно, его комната. Его игры. Его вкладки. Там всё было просто, ясно и безопасно. Люди шум, боль, унижение. От них нужно максимально отстраниться.

Он ехал на смену. В такси пахло чистотой, которой нет в его жизни. И тут она. Ребёнок. Не женщина-стерва, а девочка. Чистая, ясноглазая, со звонким голосом. В ней нет ни капли той взрослой, страшной, отвергающей женственности. Она из другой реальности. В его опустошённой душе это сияние вызвало не умиление, а навязчивый, болезненный интерес. Как редкий экспонат. С ней заговорили. Она ответила. Она не засмеялась, не скривилась. Для его искажённого восприятия это было почти как сигнал. Знакомство? Контакт? Ему отчаянно нужно было зафиксировать эту ниточку, этот лучик в своём тёмном мире. Отсюда навязчивый вопрос: «А в какую ты школу ходишь?» Это не план. Это инстинкт коллекционера, нашедшего уникальную бабочку. Ему нужно знать, где она «обитает». Чтобы мысленно возвращаться к этому моменту контакта, которого у него так не хватает. Он не монстр. Он продукт системного

унижения, который вот-вот перейдёт точку кипения. Его пустой взгляд – это шрам. И встреча с Викой стала той самой последней каплей, которая превратит жалкое существо в нечто по-настоящему опасное. Не из злобы. Из исковерканного, извращённого желания присвоить хоть каплю той чистоты, которой его самого лишили.

Тот день, тот десятиминутный путь в такси, стал для Артёма точкой отсчёта новой реальности. Будто кто-то вогнал ему в мозг раскалённый стержень с её изображением. И теперь всё вокруг нанизывалось на него. На работе. Он стоит у стенда с кофеварками, а перед глазами не дисплей с характеристиками, а её лицо. «Инверторный двигатель, 15 бар... а у неё глаза серые или голубые?». Клиент что-то спрашивает, а Артём слышит её голосок из заднего ряда: «Пап, я не маленькая уже!». Он путается в цифрах, замолкает на середине фразы, за что получает недовольный взгляд покупателя и насмешливый вздох коллеги. Он не замечает никого. Настя-кассир прошла мимо, и он даже не вздрогнул, её образ стёрся, стал фоновым шумом. Есть только Она. Девочка. Вика. Он прокручивает диалог в голове, как заевшую пластинку: «– А тебя? – Вика. – В каком ты классе? – В шестом». Он высчитывает. Шестой класс. Одиннадцать лет. Дата рождения... вероятно, весна или лето. Он ловит себя на том, что мысленно рисует ей подарок. Какую-то дорогую игрушку. Или ту самую коробку конфет, которую когда-то подарил Насте. Но Вика не отвергнет. Она не такая. Она из другого теста.

По дороге домой. Раньше он шёл, уткнувшись в телефон, в наушниках. Теперь он смотрит по сторонам. Его пустой взгляд обрёл фокус, стал голодным, выискивающим. Каждая девочка в школьной форме заставляет его сердце ёкнуть. Он сравнивает: нет, та ниже; у той волосы темнее; эта смеётся слишком громко, Вика смеялась тихо, смущённо. Он начинает интуитивно прокладывать маршрут мимо школ. Не её, он её не знает, таксист резко оборвал разговор. Но мимо вообще школ. Он стоит напротив забора на перемене и вглядывается в мелькающие лица, ища её черты. Однажды охранник сделал ему замечание, и Артём, сгорбившись, убежал, чувствуя жгучий стыд и злость. Они все против. Все хотят помешать. В его комнате. Компьютер, его храм, предал его. Игры больше не приносят утешения. Он загружает шутер, ведёт эльфа в бой, а вместо орков на экране возникают лица коллег, которые смеются, искажённое лицо таксиста, который его оборвал, и её, чистое, ясное. Он проигрывает. Выключает игру. Открывает браузер. Его «коллекция», его убежище от реальных женщин, теперь кажется ему фальшивой, несовершенной. Все эти женщины на экране слишком взрослые, слишком «испорченные», слишком громкие. Они не имеют к ней никакого отношения. И тем не менее, его мозг, извращённый годами потребления этого контента, начинает совершать чудовищную подмену. Он ищет... нет, не совсем то. Но его поиски приобретают новый, леденящий душу оттенок. Он не находит того, что ищет, и это вызывает в нём не ярость, а тоскующую, болезненную неудовлетворённость. Он закрывает вкладки. Тишина в комнате становится оглушительной. Даже не слышно мать, которая обычно что-то делала на кухне или в своей комнате смотрела телевизор.

Он ложится на кровать и смотрит в потолок. В пятнах сырости проступает её лицо. Она везде. Это не любовь. Не вожделие в привычном смысле. Это гипертрофированная фиксация. Сознание, годами голодавшее по чистому, позитивному контакту, схватилось за единственный эпизод, как утопающий за соломинку. Но вместо спасения соломинка вонзилась в ладонь и стала центром всепоглощающей боли.

Он начинает вести мысленный диалог с ней. Проговаривает вслух в пустой комнате: «Вика... Ты, наверное, любишь „Майнкрафт“? Я бы тебе сервер хороший настроил». «Твоя школа... она, наверное, с углублённым изучением чего-нибудь?» «Тот мужчина... он твой отец? Он строгий?» В этих монологах нет угроз. Пока. Есть жалкая, кривая попытка допустить связь, которой не было. Он создаёт в голове целую историю их «знакомства», где они разговаривают дольше, где он говорит умные вещи, и она смотрит на него с интересом, а не отворачивается к планшету.

Пик одержимости наступает ночью. Он не может спать. Встаёт, садится за компьютер. Не включает ничего. Просто смотрит на чёрный экран, в котором отражается его собственное бледное, осунувшееся лицо. И в этом отражении, поверх своего изображения, он снова видит её. Это уже галлюцинация истощённого психикой сознания. Он думает: «Она единственная, кто не засмеялся. Она ответила. Она видела меня. Настоящего. Никто не видел. А она увидела. Значит, она особенная. Значит, она... моя?» В этой логике, исковерканной годами одиночества и отвержения, рождается чудовищный вывод. Невинный взгляд девочки, брошенный из вежливости, в его вселенной интерпретируется как знак избранности.

Он не хочет причинять ей зло. Он хочет... владеть этим ощущением. Хочет, чтобы этот лучик света принадлежал только ему, горел в его тёмной комнате, освещал его жалкое существование. А всё, что стоит между ним и этим светом - отец в такси, школа, весь враждебный внешний мир, должно быть устранено. Пока в его мыслях это «устранение» - абстрактное. Но семя проросло. Корни уходят глубоко в его боль, а росток тянется к одному-единственному солнцу, к лицу девочки по имени Вика, которая однажды села в такси своего отца и сказала: «Вика». И с этого момента каждый его день — это поиск. Не поиск её адреса, а поиск ощущения от той встречи. Он уже не живёт. Он вспоминает. И это воспоминание съедает его изнутри, оставляя лишь одержимую, пустую оболочку, которая движется по привычным маршрутам, но чья душа навсегда застряла в салоне «Фольксвагена Поло».

Пятница для Вики всегда была немножко волшебным днём. Потому что впереди было два дня дома, с папой, а возможно, и поездка к бабушке с дедушкой. Школу свою, гимназию № 174 с углублённым изучением языков, она любила. Это было не то серое здание из детских страшилок, а светлое, с большими окнами, где в холле зимой ставили живую ёлку, а весной - выставку рисунков.

Утро, первый урок русский язык. Учительница, Марина Сергеевна, женщина с добрыми глазами и всегда идеально собранным пучком волос, вела урок в своём фирменном стиле: строго, но с искоркой. Она спрашивала правило, и Вика, не выкрикивая, как некоторые, а чуть приподняв руку, чётко и ясно ответила.

- Молодец, Вика, - кивнула Марина Сергеевна, и в её голосе звучала неподдельная теплота. - Видно, что готовилась.

Рядом с Викой сидел Серёжа, вечный тугодум, но добряк. Когда Марина Сергеевна спросила его о примерах однородных членов, он замялся, покраснел и уставился в учебник. Вика, не поворачивая головы, прошептала так, чтобы слышал только он: «И ветер, и дождь, и мрак...». - ...И ветер, и дождь, и мрак! - тут же выпалил Серёжа, словно вытащив спасительную соломинку. Марина Сергеевна посмотрела поверх очков - сначала на Серёжу, потом на Вика. В классе на секунду воцарилась тишина.

- Подсказки, Виктория, - тихо, но так, что слышали все, сказала учительница, - это плохая услуга другу. Сергей должен думать своей головой. Но раз уж ты такая добрая, можешь остаться после урока и объяснить ему это правило ещё раз. Заодно и сама закрепишь.

В её тоне не было злости, лишь лёгкое педагогическое сожаление. Вика, слегка покраснев, кивнула. Серёжа с облегчением плюхнулся на стул. Все знали: если уж и попасться на подсказке, то лучше всего с Викой. Никто не кричал и не ставил двойку в журнал, а Марина Сергеевна лишь качала головой, будто говорила: «Ну что ж ты, умница, на такое дело сподобилась?».

Большая перемена. Это было царство шума, смеха и обмена новостями. Вика обожали. Не за красивые глаза или пятёрки, а за то, какая она была: не заносчивая отличница, а своя. Она могла объяснить задачу по математике, не вздыхая: «Ну как же так, это же элементарно!». Она делилась печеньем из своего ланч-бокса. И главное она умела слушать.

- Вик, а у меня котёнка вчера взяли! - тащила её за руку Алина с соседней парты.

- Вика, ты смотрела новый тик-ток того блогера? - обступали её у окна. Она улыбалась, кивала, в меру участвовала в общем гомоне. У неё не было «лучшей подруги», она дружила со всеми понемногу, и это все чувствовали. Даже вечные задиры из параллельного класса как-то притихали в её присутствии, не из-за страха, а потому что с ней как-то неловко было хулиганить. Она была как тихий, тёплый светильник в углу шумной комнаты.

Урок литературы. Проходили «Дубровского». Учитель, молодой и увлечённый своим предметом Александр Петрович, задал вопрос о мотивах поступка Владимира. Вика подняла руку и сказала не про месть, а про обиду и чувство чести, которое тогда понимали иначе.

- Интересная мысль, Виктория, - задумчиво сказал Александр Петрович, поправляя очки. - То есть ты считаешь, его движет не столько злость, сколько желание восстановить попорченную справедливость, пусть и такими методами? Они пару минут подискутировали на равных, и класс слушал, затаив дыхание. Не потому, что это было скучно, а потому что это было интересно. И в глазах учителя читалось явное удовольствие, редкий ученик, который не зубрит, а думает.

География. Работа в группах. Вике досталась команда с двумя мальчиками-тихонями и вечно витающей в облаках Лизой. Вика не стала всё делать за них. Она распределила: «Кирилл, ты ищешь про горные породы, Даня - про полезные ископаемые, Лиза, нарисуй нам вулкан красиво, а я потом всё соберу и напишу выводы». И, о чудо, команда заработала. Даже Лиза старательно выводила красной ручкой лаву. Учительница, обходя класс, остановилась у их стола и одобрительно улыбнулась именно Вике: «Организаторский талант, я смотрю».

Конец дня. Последний звонок. Вика собирала портфель, а к ней подошла классная руководительница, Ольга Викторовна.

- Вика, загляни ко мне на минутку. В кабинете пахло кофе и книгами. - Всё в порядке? - спросила учительница, не как начальник, а как старшая подруга.

- Да, - кивнула Вика.

- Отлично. - Держи, - Ольга Викторовна протянула ей небольшую книжку в мягкой обложке. - «Ходячий замок» Дианы Уинн Джонс. Ты говорила, что любишь фэнтези. Мне кажется, тебе понравится. Вика взяла книгу, и у неё ёкнуло сердце от неожиданной доброты.

- Спасибо большое, Ольга Викторовна!

- На здоровье. И передай папе привет. Он у нас молодец.

Она вышла из школы, чувствуя лёгкую усталость и приятное тепло внутри. Мир был предсказуемым и безопасным: вот школа, где её ценят, вот друзья, вот учителя, которые в неё верят. Даже маленький выговор за подсказку был частью этого мира, справедливой и правильной. Она шла к выходу, не зная, что в этот самый момент где-то в другом конце города, в пыльной комнате с зашторенными окнами, чьи-то больные, голодные мысли уже сплели вокруг её имени плотную, липкую паутину. Она несла в своём рюкзаке не только учебники и подаренную книгу, но и невидимый, чудовищный груз чужой одержимости, о котором не подозревала. Последний луч осеннего солнца золотил крышу папиной машины, уже ждавшей её у тротуара. Она ускорила шаг, и все мысли о школе, уроках и тихих мальчиках с плохими оценками остались позади. Впереди были папа, выходные и ощущение, что всё в жизни на своих местах.

- Пап, представляешь, Марина Сергеевна мне книжку дала почитать! - Вика с порога начала вываливать новости, забираясь на переднее сиденье. - Фэнтези! И на литературе мы с Александром Петровичем про «Дубровского» так классно поспорили... Виктор слушал её счастливую болтовню, и на душе становилось чуть светлее. Она была его антенной в нормальный мир, и через неё он иногда улавливал его сигналы. - ...и мы завтра с Алиной в ТЦ хотели, но если ты против, то...

- Завтра мы никуда не едем, - перебил он её, но голос его был тёплым. Вика замолчала, насторожившись. - Мы едем к бабушке с дедушкой. С ночёвкой. Дедушка баню уже топить, наверное, начал. На её лице расцвела такая безумная, сияющая радость, что ему на миг пока-

залось, будто в салон заглянуло солнце. Она завизжала, захлопала в ладоши и стала болтать ногами.

- Ура-а-а! Бабушкин пирог с вишней! И баня! И дедушка будет про войну рассказывать!
- Она вдруг притихла, и её лицо стало серьёзным. - Пап, а... а к бабушке Вере мы не поедём?

Тишина в салоне стала густой и тяжёлой. Виктор перехватил её взгляд в зеркале. Она спрашивала редко, но всегда помнила, что у неё есть ещё одна бабушка. Точнее, была.

- Не поедём, солнце. Бабушки Веры... её больше нет. Она умерла, когда ты была совсем маленькой.

- От болезни?

- От тоски, - честно сказал Виктор, чувствуя, как старый, никогда не заживающий шрам ноет у него внутри. - Её сердце не выдержало, когда не стало твоей мамы. Он никогда не врал дочери о смерти, но и деталей не давал. Сегодня что-то заставило его добавить: - А дедушка... он жив. Но он... он очень сильно горевал. Сначала потерял дочь, потом жену. И ему стало казаться, что во всём виноваты мы с тобой. Что если бы не мы, его девочка была бы жива. Вика замерла, перебарывая эту странную, несправедливую логику чужой боли.

- Но это же не правда, - тихо, но очень уверенно сказала она. - Мы же с тобой самые близкие для мамы люди. Мы её любили. Комок встал у Виктора в горле. Её детская, кристальная прямота была страшнее любого взрослого укора. - Конечно, не правда, - хрипло согласил он.

- Но горе - оно иногда делает людей слепыми и злыми. Он нас не видит и не хочет видеть. У него своя боль. И мы должны её уважать, даже если она направлена против нас.

Он не сказал, что однажды, через полгода после похорон Лены, он приехал к теще с маленькой Викой на руках. Открыл тестя. Посмотрел не на внучку, а прямо на него, Виктора, и сказал ровным, ледяным голосом: «Убирайся. Ты всё отнял. И её не показывай мне никогда». И захлопнул дверь. Больше Виктор не пытался. Он понял: у этого горя нет срока давности и нет исцеления. Есть только два лагеря: они - здесь, вдвоём, и весь остальной мир, который либо жалеет, либо осуждает, либо, как дед, ненавидит. Вика долго молчала, глядя в окно на мелькающие огни.

- А у нас с тобой есть своя боль, - наконец сказала она не по-детски мудро. - Но мы же не злимся друг на друга. Мы вдвоём. Он не нашёл слов. Просто протянул руку назад, и она вложила в его ладонь свою маленькую, тёплую руку. Они так и ехали несколько минут молча, держась за руки через пространство между сиденьями, два островка в океане тихой печали и взаимного спасения. - Значит, завтра - к нашим? - наконец прояснила Вика, возвращаясь к светлomu.

- К нашим, - твёрдо подтвердил Виктор. - К тем, кто нас ждёт и любит. Собирай самые тёплые носки. Дедушка, как всегда, будет твердить, что баня «не дошла», и мы будем мёрзнуть в предбаннике. Она засмеялась, и тень ненужного деда отступила, сменившись ожиданием простого семейного счастья - пирога, бани и запаха дров. Виктор сжал её пальцы. Она была права. У них не было большого мира. Но у них был этот - маленький, прочный, выстроенный на обломках. И завтра они поедут в его самую безопасную и тёплую часть.

Вечер пятницы Виктор отвёл Вику домой, накормил ужином и, убедившись, что она погрузилась в домашние задания, снова уехал на работу. Ночные часы в такси были другими - город затихал, огни растягивались в длинные световые нити, пассажиры были либо усталыми, либо подвыпившими, либо одинокими. Он ловил заказы на автомате, а в голове, как назойливый шум, звучал хриплый голос того парня из прошлой поездки. «А в какую ты школу ходишь?» Он тряхнул головой, пытаясь отогнать навязчивую мысль. Просто неадекват. Случайная встреча. Но холодок под лопатками не проходил. Он вернулся уже глубокой ночью. В прихожей горел ночник, Вика всегда оставляла его для него. Квартира была погружена в сонную, мирную тишину. Он заглянул к ней в комнату. Она спала, уткнувшись носом в подушку,

одна рука высунулась из-под одеяла, сжимая плюшевого старого медведя. Он поправил одеяло, постоял минуту, слушая её ровное дыхание.

Утро субботы началось не с его будильника и не с крика «Вставай!». Он проснулся от лёгкого запаха горевшего тоста и шума воды на кухне. Солнечный луч пробивался сквозь щель в шторах. Виктор сонно посмотрел на часы, без пятнадцати восемь. В школу-то вставать в семь! Выходной парадокс: дети, которых не поднять паровозом в будни, в субботу просыпаются с первыми петухами, полные энергии. Он вышел на кухню. Вика, стоя у плиты, деловито переворачивала яичницу. На столе уже стояли две кружки, из одной вкусно пахло какао, в другой дымился его чёрный кофе. И лежали три тоста - два нормальных и один слегка подпалённый, который она, видимо, решила оставить себе.

- Доброе утро, пап! - она сияла, как маленькое солнце. На ней были уже надеты любимые розовые штаны и кофта с единорогом. - Я всё почти приготовила! Садись завтракать, а я дособируюсь!

- Ты чего так рано, засоня? - улыбнулся он, подходя и целуя её в макушку. От неё пахло детским шампунем и чем-то беззаботно-праздничным.

- Какой же я соня, мы же едем! - она выключила плиту и ловко сгрэбла яичницу на две тарелки. - Я уже чемодан почти собрала. Он сел за стол, с благодарностью глотая горячий кофе. Из комнаты доносились шуршание пакетов, щелчок замка рюкзака. Через пару минут она выкатила в прихожую свой маленький, розовый чемодан на колёсиках и принесла с собой папку для рисования.

- Смотри, что я нарисовала, - торжественно сказала она, раскрывая папку на столе рядом с его тарелкой. Там лежала целая стопка рисунков. Бабушка и дедушка в саду (дед - с седой палкой-бровью, бабушка - с пирогом размером с дом). Их дом, из трубы которого шёл не дым, а какие-то завитушки, похожие на аромат булочек. Сама Вика, качающаяся на качелях под огромным яблоневым деревом. И несколько абстрактных, ярких композиций из цветов и солнц. Она рисовала с удовольствием и без всякого стеснения, её линии были смелыми, цвета - ядовито-радостными.

- Красиво, - искренне сказал Виктор. - Бабушка будет в восторге. Опять весь дом в твоих шедеврах увешает.

- Она же всегда вешает! - с гордостью сказала Вика. - Говорит, лучше, чем обои. Я ей на этот раз специально про запас нарисовала, чтобы на кухню и в спальню хватило. Она аккуратно уложила рисунки обратно в папку, положила её поверх чемодана, а потом уселась допивать своё какао, болтая ногами от нетерпения. Её волнение было физически ощутимым, как ток в воздухе. Для неё поездка к бабушке и дедушке была не просто сменой обстановки. Это было путешествие в Царство Безусловной Любви. Туда, где её встречали не как «дочь Виктора» или «ученицу», а просто как Вику, внучку, ради которой топят баню и пекут пироги. Там не было тени прошлого, не было пустого взгляда странного попутчика, не было одиноких ночных смен. Там был запах дерева, дыма и сладкой ватки из детства. Виктор смотрел на её сияющее лицо и чувствовал, как что-то тает внутри. На один день, на эти выходные, он мог позволить себе отключиться. Перестать быть Виктором-таксистом, Виктором-вдовцом. Он мог быть просто сыном и отцом. И ради этого ощущения, ради её счастливых глаз, можно было на время отложить даже самые тёмные мысли.

Дорога к Бронницам была привычной и почти медитативной. За городом осенний пейзаж разворачивался во всей своей золотисто-багряной меланхолии. Вика, наконец-то удовлетворив первичный азарт сборов, притихла на заднем сиденье, уткнувшись в ту самую книгу от учительницы. В салоне было тихо, тепло, и только шум шин по асфальту навевал состояние, близкое к покою. И именно в этой тишине, когда бдительность притупилась, его настигли мысли о ней. Они приходили не как навязчивые образы Артёма, а иначе - тихо, почти стыдливо, обходя стороной все запреты, которые он сам себе поставил. Запах воздуха за городом, смешанный

с ароматом опавшей листвы, почему-то напомнил не столько об Алёне самой, сколько о том простом, живом запахе из её салона. Непритязательный. Человеческий. «Иногда Вселенная посылает именно того, кто нужен», - вспомнились её слова, сказанные с усталой, разбитой искренностью. Он тогда отмахнулся. А сейчас, глядя на убегающую за окном ленту дороги, подумал: а что, если и правда? Не как мистика, а как простая случайность. Что если эта пьяная, плачущая женщина в кожаной куртке была... наградой? Минутной передышкой в его марше к пропасти? Шансом отдышаться перед решающим броском?

Вика засмеялась над чем-то в книге, и её смех вернул его в реальность. Он поймал себя на крамольной мысли: а представил бы он Алёну здесь, в этой машине? Не вместо Лены. Никто не мог быть вместо Лены. А... рядом. Как попутчика в этой одинокой дороге. Молчаливого, понимающего. Того, кому не нужно объяснять, почему он иногда замирает с кружкой, глядя в никуда. Он вспомнил её смятую бумажку, которую всё ещё носил в кошельке. Не в кармане, как талисман, а в отделении для мелочи, среди потрёпанных купюр и старых чеков. Спрятанную, но не выброшенную. Он не звонил. И не собирался. Но сам факт, что номер существовал где-то в параллельной реальности, куда он не ступал, странным образом согревал. Как знание, что где-то горит огонёк в окне, даже если ты к этому дому никогда не подойдёшь.

«Вы... очень странный таксист. В хорошем смысле». Его губы сами собой сложились в лёгкую, почти незаметную улыбку. «Странный» - да. Со своей чёрной, невысказанной целью, со своей душой, похожей на минное поле. И «в хорошем смысле» — вот это она, наверное, ошиблась. В нём не было ничего хорошего для кого-то нового. Только отработанный долг перед прошлым и ледяная решимость для будущего.

- Пап, а бабушка точно пирог с вишней пекла? - перебила его мысли Вика, отрываясь от книги.

- Сто процентов. И с яблоками ещё, наверное, - ответил он, голос прозвучал немного осипшим от долгого молчания.

- Ура! - она снова погрузилась в чтение, и её безмятежность была таким разительным контрастом с его внутренней бурей.

Он увеличил скорость. Нужно было быстрее доехать. В бабушкином доме, в этой крепости простых радостей, мысли об Алёне казались не просто неуместными, а чужеродными. Там царил культ Лены, её фотографии, её незаконченная вышивка на пяльцах. Туда нельзя было приносить даже тень другой женщины, даже ту, что была просто мимолётным эхом человеческого участия в такси. Но пока он ехал, эти мысли были с ним. Тихие, непрошенные, настойчивые. Они предлагали остановиться. Выдохнуть. И в этом была их главная опасность. Потому что, если он остановится, он может уже не найти в себе сил снова начать движение по тому тёмному пути, который для себя избрал. А остановиться он не имел права. Он посмотрел в зеркало заднего вида на дочь, увлечённую книгой. Ради неё. Только ради неё. Всё остальное, и эта тревожная симпатия к незнакомке, и усталость, и жажда простого человеческого тепла было слабостью. А слабость в его предстоящей войне была смертельным грехом. Он выключил внутренний диалог, сосредоточившись на дороге. Впереди уже показался знакомый поворот на просёлок. Почти дома. Где не было места ни для чего, кроме пирога, бани и безусловной любви, которая, как шит, могла на пару дней оградить его от всего мира. И от самого себя.

Поворот с асфальта на ухабистую грунтовку был знакомым ритуалом перехода в другую реальность. Последние пятьсот метров машина подпрыгивала на колеях, а за окном медленно проплывал пейзаж, знакомый до каждой детали: покосившийся забор соседа, старый дуб с обломанной веткой, поле, уже скошенное и побуревшее. И вот он, их дом. Не дача, а именно дом, крепость, выстроенная руками отца за долгие годы. Два этажа под ломаной крышей из тёмно-красного шифера, которая делала строение похожим на уютно присевшее существо. Фасад был обшит вагонкой, выгоревшей на солнце до мягкого серебристо-серого оттенка.

На десяти сотках царил тот самый аккуратный, условный порядок, за которым угадывалась любовь и упрямство: ровные гряды уже пустого огорода, подрезанные на зиму кусты смородины и крыжовника, аккуратные поленицы дров под навесом. Но осень уже вступила в свои права, накладывая на эту опрятность меланхоличную патину. На клумбах под окнами горели последние, поблёкшие островки цветов: рыжие бархатцы, поникшие, но ещё державшие форму головки розовых и белых флоксов, ковёр из мелких синих незабудок, упрямо цвёл до морозов. Воздух был насыщен запахами - сладковатым дымком из трубы, прелой листвы, влажной земли и едва уловимой, терпкой кислинкой падалицы. Под двумя старыми яблонями, ветви которых склонялись к земле под тяжестью плодов, лежал ковёр из яблок, жёлтых, розовобоких, с тёмными бочками. Но не все упали. На верхних ветках, почти у самого неба, ещё качались, ловя последнее осеннее солнце, ярко-красные, будто лакированные плоды. Они казались игрушечными, специально оставленными для красоты. Виктор знал: отец специально не тряс деревья, оставляя часть урожая птицам, да и просто «для картины», как он говорил.

На крыльце, услышав гул мотора, уже стояли они. Мать - в своём неизменном вязаном кардигане цвета баклажана и фартуке, утирая руки. Отец в старой телогрейке нараспашку, под ней клетчатая рубаша, руки засунуты за ремень. Их лица, изрезанные морщинами, расплылись в таких одинаковых, широких, безусловно-радостных улыбках, что у Виктора на мгновение перехватило дыхание. Это был взгляд, который не требовал от него быть сильным, успешным или хоть сколько-нибудь справляющимся. Он просто видел сына. И внучку.

- Приехали-приехали! Викусь, иди ко мне! - махала руками бабушка, едва Вика выскочила из машины. Та бросилась к ней в объятия, и они замерли в плотном, тёплом комке.

Отец подошёл к машине, похлопал Виктора по плечу, крепко, по-мужски.

- Ну что, доехали нормально? Машина не шумит ничего?

- Всё в порядке, пап.

- Ладно. Заходи, чайник уже подошёл. Баня к вечеру будет готова.

Внутри дом пах древесиной, сушёной мятой и свежей выпечкой. В прихожей висели старые пальто, стояли резиновые сапоги разных размеров, а на стене коврик с оленями, вытертый до дыр. Гостиная была просторной, с огромным диваном, застеленным вязаным пледом, и печью-голландкой, в окошке которой уже весело потрескивали дрова. На полках смесь книг, бабушкиных кривых, но любимых глиняных свинок и детских поделок Вики. Здесь царил тот самый уют беспорядка, который и есть признак обжитого, любящего дома.

- Беги наверх, размещайся! - сказала бабушка Вике, и та, скинув куртку, помчалась по деревянной, слегка скрипящей лестнице. Второй этаж был царством детей и гостей. Три комнаты под самой крышей, с покатыми потолками и маленькими мансардными окошками. Комната Вики здесь была священной территорией. Бабушка не просто прибирала её, а сохраняла. На стене рисунки разных лет, от каракуль до почти осмысленных пейзажей. На кровати то самое лоскутное одеяло, которое сшила когда-то Лена, ещё до рождения Вики. На столике коллекция привезённых с моря камушков, засушенная бабочка в рамке и маленькая плюшевая собака, которую Вика обожала в три года. Здесь пахло сушёными яблоками и старой бумагой. Его комната была проще. Диван, письменный стол, этажерка с его старыми книгами и армейскими фотографиями в рамках. Но и здесь была та же аура принятия. Никто не требовал от него здесь отчёта, никто не ждал подвигов. Он мог просто лечь и смотреть в маленькое окно на верхушки яблонь и дальнее поле. Здесь, в этом доме, под ломаной крышей, среди запахов детства и яблок, его чёрные мысли казались не просто неуместными, а чужеродными. Они были из другого измерения, из того шумного, жестокого мира за поворотом с грунтовки. Здесь же царил закон простых вещей: натопленная печь, горячий чай, разговоры ни о чём и тихая, ненавязчивая любовь, которая не спрашивала, а просто давала уют. На пару дней он мог сдать эту силу. Сложить оружие. И просто быть. Сыном. Отцом. Человеком, который приехал в гости к родителям.

Вскоре с кухни, куда Вика последовала за бабушкой как привязанная, донёлся не просто запах, а целая симфония ароматов, собранная в одну мощную, тепловую волну. Это был запах-призыв, запах-объятие.

- Идите чай пить! - позвала бабушка, но все в доме знали, что «чай» - это лишь условное кодовое слово, как «лёгкий перекус» перед пиром.

Когда Виктор и отец спустились вниз, стол в гостиной был уже не просто накрыт. Он был возведён, как монумент семейному благополучию и бабушкиной кулинарной мощи. Скромная клеёнка сменилась накрахмаленной белой скатертью с вышитыми по краям петушками, парадной, «для самых дорогих». И на этом белоснежном поле развернулось пиршество: в центре, в глубокой фаянсовой миске с цветочками, дымилось тушёное мясо - нежное, почти падающее на волокна, в густом, ароматном соусе с лавровым листом и горошинами перца. Рядом сковорода, с которой ещё шёл пар: картошка, жаренная с грибами. Не просто картошка, а именно та самая, золотистая, с хрустящей корочкой, в которую вкраплены тёмно-коричневые, упругие лисички, собранные дедом в конце лета и заботливо замороженные к этому дню. Виктор взглянул на неё, и что-то давно забытое, тёплое и детское ёкнуло у него внутри. Рядом, в прозрачной салатнице, горой высился «Оливье» - не диетический, а тот самый, советский, с докторской колбасой, ярко-жёлтым горошком и обильным майонезом. И винегрет, в котором свёкла аккуратно окрасила только часть картофеля, что говорило о мастерстве бабушки, она смешивала его в последний момент. Для Вики, как главной гостьи, стояла небольшая мисочка с холодцом. Прозрачный, как янтарь, с аккуратными вкраплениями мяса и моркови. И, конечно, отдельно, в розеточке горчица, «острая, как у тебя, внучка, характер», как шутил дед. Но истинным украшением стола были соленья. Несколько видов, в банках разного калибра: хрустящие огурчики с укропными зонтиками, квашеная капуста, пронзительно-кислая, с клюквой, помидоры в собственном соку, маринованные опята на отдельном блюде, похожие на маленькие зонтики из сказочного леса. И королева стола, бабушкины маринованные грузди, сизые, упругие, пахнущие чесноком и гвоздикой.

- Мам, ты что, на полк кормить собралась? - только и смог выдохнуть Виктор, разглядывая это изобилие.

- А что такого? - отмахнулась бабушка, ставя на стол ещё и тарелку с нарезанным душистым домашним хлебом. - Вы же редко бываете. Надо отъестся впрок. Вкусь, садись ко мне, я тебе лучший кусочек холодца выберу.

Они уселись. Не было никаких официальных тостов. Было тихое, почти благоговейное погружение в еду. Звон ложек, тихие вздохи удовольствия.

- Ну как? - не выдержала бабушка, наблюдая, как Виктор отправляет в рот первую вилку картошки с грибами.

Он закрыл глаза, чтобы лучше прочувствовать вкус. Это был не просто вкус еды. Это был вкус детства, безопасности, безусловной заботы. Грибы пахли лесом и осенью, картошка деревенским подсолнечным маслом, на котором её жарили. Это был вкус, против которого были бессильны все городские тревоги, все тёмные мысли.

- Как всегда, мам, - хрипло сказал он. - Лучше всех.

Вика, аккуратно поедая холодец, оживлённо рассказывала бабушке про школу, про книгу, про шахматы. Дед налил Виктору и себе по стопке простой водки не для того, чтобы напиться, а для ритуала, для ощущения праздника.

- За то, чтобы чаще приезжали, - коротко сказал отец, и они чокнулись.

Водка обожгла горло, но следом шёл кусок душистого хлеба с солёным огурцом и наступала благодать. В этот момент, за этим столом, в этом доме, под ломаной крышей, Виктор чувствовал себя абсолютно защищённым. Мир сузился до размеров гостиной, до круга света под абажуром, до лиц родителей и дочки. Здесь не было места ни одиноким ночным сменам, ни тревожным симпатиям к случайным попутчицам. Здесь был только этот праздничный

стол, накрытый с безмолвной, щемящей мольбой: «Останьтесь. Хоть ненадолго. Будьте просто семьёй». И он, на время, сдавался. Съедал ещё одну ложку того самого «Оливье», слушал болтовню дочери и чувствовал, как ледяная скорлупа вокруг его сердца, треснувшая в машине при мысли об Алёне, здесь, в этом тепле, таяла без остатка.

Они вышли на крыльцо, хлопнув за собой тяжёлой деревянной дверью. Вечерний воздух был уже по-настоящему холодным, колючим, и пахло дымом, морозной сыростью и далёким запахом костра от соседнего участка. Отец достал из кармана телогрейки папиросу, аккуратно прикурил от спички, прикрыв ладонью от ветра. Свет от окна гостиной падал на его лицо, выхватывая глубокие морщины у глаз и жёсткую, поседевшую щетину. Он сделал первую, медленную затяжку и выпустил дым, который тут же растаял в темноте.

- Ну что, Вить... - начал он, не глядя на сына, уставившись куда-то в сторону тёмного огорода. - В общем-то, как? Тяжело, поди, одному-то?

Вопрос был задан не в лоб, а как бы между делом, но Виктор знал эту манеру: отец выходил на разговор только по серьёзному поводу и обставлял его вот такой ритуальной подготовкой - сигаретой, взглядом в сторону, показным спокойствием.

- Тяжело не тяжело... Живём. Работа есть, Вика растёт. Всё, в общем, нормально, - ответил Виктор, тоже глядя в темноту. Его собственные мысли о деньгах, о кредите, о вечной нехватке казались здесь, на этом крыльце, мелкими и постыдными. Их нельзя было приносить сюда.

Отец кивнул, делая ещё одну затяжку.

- Нормально - это хорошо. А... насчёт денег? - он наконец повернул к сыну голову, и в его глазах, обычно суровых, читалась неподдельная, мучительная забота. - Если что, ты не дури. Мы тут с матерью не шикаем, но кой-какая заначка есть. На чёрный день. А твой день и так... - он не договорил, махнув рукой, давая понять, что чернее некуда. - Если нужно, бери. Без разговоров. Мы только рады будем.

Это было высшее проявление любви со стороны этого молчаливого, скуповатого на слова мужчины. Предложение не просто помочь, а отдать «заначку на чёрный день», которую они с матерью, вероятно, годами собирали с пенсий и продажи урожая. Виктор почувствовал, как у него сжалось горло. Он представил эту заначку, старую, заветную банку или конверт, спрятанный среди белья в комод. Деньги, пахнущие нафталином, потом и бесконечной экономией. Взять их означало бы признать свою несостоятельность. И, что ещё хуже, обобрать этих двух стариков, лишит их последней иллюзии безопасности.

- Пап, спасибо, огромное спасибо, - сказал он, и голос его звучал чуть грубее, чем обычно, от сдерживаемых эмоций. - Честно. Но не нужно. Со всем справляемся. Кредит плачу, на еду хватает. Вика ни в чём не нуждается. А ваши деньги... вы их берегите. На себя. На лекарства, если что, на ремонт тут. Вы нам важнее любых денег.

Отец долго смотрел на него, прищурившись, будто проверяя на вшивость. Потом тяжело вздохнул, стряхнул пепел с самокрутки.

- Ну ладно. Гордый, как и всегда. Мать-то всё равно переживает. Говорит, худой ты стал, тени под глазами. Кладёт тебе в сумку еды, знаю я её.

- Пусть кладёт, - улыбнулся Виктор. - Это самое нужное.

Они помолчали, слушая, как из-за двери доносится смех Вики и ровный, успокаивающий голос матери.

- Ладно, - сказал отец, бросая окурочек и притоптывая его сапогом. - Значит, сам. Как решишь, так и будет. Только помни: твоя крепость тут. Всегда. Деньгами, картошкой, просто крышей. Понял меня?

- Понял, пап.

Отец похлопал его по плечу, уже по-другому, не проверяя, а одобряя. Жест означал: «Молодец, что отказываешься. Значит, держишься. Но предложение в силе».

- Пойдём, чай остывает. И баня скоро подойдёт.

Они зашли обратно в дом, в уют и свет, где пахло вкусной едой и детством. Виктор чувствовал тяжёлую, тёплую благодарность, смешанную с чувством вины. Он солгал. Не про деньги, а про то, что «справляемся». Он не справлялся. Он балансировал на краю. Но забрать у них последнее, значило бы упасть окончательно. Этого он не мог допустить. Его крепость была здесь, да. Но его война была там, в городе. И в этой войне он должен был полагаться только на себя.

Дед, войдя в дом и сбросив телогрейку на вешалку, потянулся к поленнице у печи.

- Пойду, печку проверю, подброшу малость, - сказал он, больше самому себе, деловито осматривая вязанку.

Вика моментально оторвалась от бабушки.

- Я с тобой! Можно?

В её глазах зажглись те самые огоньки, которые вспыхивали только при двух вещах: при виде шахматной доски и при упоминании печи.

- Ну, раз помощница нашлась, - дед скрыл улыбку под усами, но глаза смеялись. - Только шапку надень и варежки. В предбаннике дует.

Через минуту они уже были в небольшой пристройке к бане, где стояла сама печь-каменка - массивная, чёрная от сажи, с блестящей дверцей. Воздух здесь был сухим и пряным, пахло берёзовым веником, горячим металлом и древесным жаром. Дед открыл топку. Там ещё тлели ярко-красные угли, похожие на драгоценные камни в чёрном бархате.

- Вот, - дед протянул ей тонкое, сухое полено-лучинку. - Подкидывай аккуратненько. Посередине, где жарче.

Вика, сосредоточенно сдвинув брови, взяла лучинку двумя руками в толстых варежках. Она не просто бросила её, а с ритуальной торжественностью положила на раскалённые угли. И началось маленькое чудо, которое она обожала. Сначала тишина. Потом от сухого дерева пошёл едва уловимый треск. И вдруг по краю лучинки вспыхнула тонкая, извивающаяся золотая нить огня. Она побежала по дереву, как живая, жадно облизывая его со всех сторон. Ещё мгновение и всё полено было охвачено весёлым, танцующим пламенем. Оно не горело, оно играло, потрескивало, выбрасывая вверх снопы искр, изгибалось, меняя форму, и съедало дерево с такой стремительной, беззлой жадностью, что за этим невозможно было не наблюдать.

- Во-о-от... - протянула Вика, зачарованно глядя в огненную сердцевину. Её лицо в отблесках пламени казалось лицом древнего человека, впервые приручившего стихию. В этом был простой, первобытный восторг.

- Огонь-то живой, - сказал дед, подкладывая уже более массивные поленья. - Любит, когда за ним ухаживают. Сухие дрова, хорошую тягу. И уважение. А то покажет характер, закоптит всё или вовсе погаснет.

- Он красивый, - просто сказала Вика, наблюдая, как новые поленья загораются, перенимая эстафету, и пламя становится мощным, ровным, жарким.

Дед закрыл дверцу, оставив небольшую щель для тяги. В печи загудело. Тепло пошло волной.

- Готово. Теперь часа через два - самая пора. Будет лёгкий пар, - он потрепал её по шапке. - Молодец, кочегариха.

Они вернулись в дом, где уже пахло свежесваренным чаем с травами. Вика была задумчива и счастлива. В её маленьком мире было несколько незыблемых вещей: папа за шахматной доской, бабушкин пирог и огонь в дедушкиной печи, который она могла заставить танцевать одним движением руки. В этой простоте была своя, совершенная магия.

Пока дед с Викой возились с печкой, в доме наступила редкая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых часов на стене. Мать, убрав со стола основную посуду, села напротив Виктора

в своё старенькое, просевшее кресло у печи. Она взяла в руки вязание, бесконечный носок - но не начала работать, а просто держала его, как предмет, дающий право на долгий разговор.

- Ну как ты, Витенька? - спросила она, и её голос был таким же тёплым и густым, как овчинный тулуп. В её взгляде не было допроса, только мягкая, ненавязчивая забота.

- Да нормально, мам, всё как всегда, - ответил он, избегая её глаз, разглядывая узор на скатерти. - А у вас тут как? Давно генератор починили? Отец говорил, ломался.

- Починил, починил, не переводи разговор. - Она положила вязание на колени. - Я про тебя спрашиваю. Один-то тяжело. И с работой этой... Всё время за рулём, голова кругом.

- Ничего, привык.

- К плохому не привыкают, сынок. Смиряются. - Она вздохнула и, помолчав, осторожно, словно пробуя тон, спросила: - А... насчёт личного? Не думал? Нельзя же всю жизнь в память о прошлом прожить. Лена бы не хотела.

Вопрос повис в воздухе. Виктор почувствовал, как внутри всё сжалось. Он хотел ответить резко, отрезать: «Нет, не думал, и не надо». Но почему-то в этот раз, в этой безопасной тишине родного дома, под её внимательным, всепонимающим взглядом, фраза не сформировалась. Вместо этого он лишь покачал головой и произнёс глухо:

- Некогда, да и не надо. Мне и так... хорошо.

Последнее слово прозвучало фальшиво даже для его собственных ушей. Он замялся. Словно споткнулся на ровном месте. И мать уловила. Она не была психологом, она была матерью. Её радар улавливал малейшие колебания в голосе сына. Она отложила вязание совсем.

- Вить, - сказала она мягко, но настойчиво. - Ты что-то недоговариваешь. Я же чувствую. Расскажи матери. Может, и правда появился кто?

Он закрыл глаза. Образ Алёны не идеализированный, а именно такой, какую он её увидел: с размазанной тушью, смятым чеком в руке и болью в голосе всплыл перед ним с поразительной чёткостью. И он сломался. Не потому что хотел, а потому что устал нести это в себе. Он рассказал. Скупое, обрывочное, опуская детали. Про пьяную девушку утром в понедельник, про её историю, про смятую бумажку, которую он не выбросил. Про то, как она сказала, что он «странный, в хорошем смысле». Он не говорил о своих мыслях, о симпатии, о внутренней борьбе. Он просто изложил факты, как отчитался бы о необычном пассажире. Но матери не нужны были подробности. Она слушала, не перебивая, и её лицо постепенно озарялось тихой, осторожной надеждой. Она услышала не историю о случайной попутчице. Она услышала первый за десять лет отзвук жизни в голосе сына. Не скорби, не долга, не ярости - а простого человеческого интереса к другому человеку.

Когда он замолчал, в комнате было тихо. Потом мать сказала самое простое и самое страшное для него:

- Позвони ей.

- Мам, что ты... - он отшатнулся, будто она предложила ему прыгнуть с крыши. - Это просто мимолётное знакомство. Она пьяная была, я таксист. Это абсурд.

- Ничего абсурдного, - твёрдо сказала она. - Она тебе свой номер дала. Значит, контакт был. Она в тебе что-то увидела. А ты... ты её запомнил. Не просто запомнил, а рассказываешь. Значит, тоже что-то увидел.

- Я ничего не видел! - попытался он возразить, но это была слабая защита.

- Видел, - она перебила его с материнской непреклонностью. - Увидел живого человека, которому тоже больно. И это хорошо. Позвони. Хоть просто спроси, как она.

Его сомнения, которые в городе казались логичными и непреодолимыми, «Она будет мешать», «Нет времени», «Это слабость», здесь, в этой комнате, под её простым, житейским взглядом, вдруг показались надуманными и жалкими. Мать не говорила о мести, о планах, о долге. Она говорила о кофе. О простом звонке. О шансе на кусочек тепла, которое ему было так необходимо и которое он так яростно в себе подавлял.

- Я... подумаю, - выдохнул он, сдаваясь не её напору, а своей собственной усталости от вечного сопротивления.

- Не думай много, - встала мать, подходя и глядя его по голове, как в детстве. - Думанье только мешает. Сердце слушай. Оно умнее.

Снаружи послышались голоса и смех, Вика с дедом возвращались из предбанника, розовощёкие, пахнувшие дымом и предвкушением парной. Разговор был окончен. Но посеянное матерью семя уже дало росток. Теперь мысль «позвонить Алёне» была не его тайной, а почти семейным поручением. И это делало её в разы весомее. Он чувствовал, как внутренняя крепость, за стенами которой он вынашивал свои мрачные планы, дала первую серьёзную трещину. И треснула она не под натиском врага, а под тёплым, настойчивым лучом материнской любви.

Стол, освобождённый от основной посуды, теперь украшало скромное, но душевное банное подношение: мелкая тарелка с нарезанным салом, посыпанным чёрным перцем, блюдечко с хрустящими солёными огурчиками и маринованными груздями, несколько зубчиков чеснока и ломтики ржаного хлеба. «Мужчинам после бани перекусить», - как говорила бабушка.

Тем временем Вика, словно маленький ураган, промчалась по скрипящей лестнице на второй этаж. Через минуту она сбежала вниз, волоча за собой пластиковый пакет из супермаркета, набитый до отказа. Оттуда торчали края махрового халата, резиновая шапочка с рисунком дельфина и мочалка в виде ярко-розового медведя. На ней уже была надета её главная банная униформа: огромная, серая будёновка с красной звездой, доставшаяся по наследству от деда-армейца. Уши шапки торчали в стороны, придавая ей вид очень решительного пилота из прошлого века. На ногах, поверх тёплых носков, красовались бабушкины валенки, на несколько размеров больше, а сверху на них были аккуратно надеты резиновые галоши, чтобы не намочить войлок. Одетая и обутая таким образом, она заняла позицию у двери, ведущей в сени. Выпрямившись в струнку, как солдат на посту, она сложила пакет у ног и, подбоченясь, громко и чётко объявила на всю гостиную:

- Я готова! Жду старшую группы!

Её серьёзное лицо под огромной шапкой и вид валенок в галошах выглядели настолько комично и одновременно очаровательно, что Виктор не смог сдержать улыбки, а дед фыркнул в усы. Это был священный ритуал, и Вика исполняла его с максимальной ответственностью.

- Сейчас, командир, сейчас! - отозвалась из кухни бабушка, завязывая на голове специальный ситцевый платок для бани и проверяя, взяла ли она берёзовый веник, замоченный в тазу. - Только терпения наберись!

Но терпения у Вики в этот момент не было вовсе. Она переминалась с ноги на ногу, заставляя валенки в галошах шлёпать по полу, и смотрела на дверь широко раскрытыми, полными нетерпеливого ожидания глазами. Вся её маленькая фигура излучала такую концентрацию готовности к главному событию вечера, что казалось, ещё секунда и она рванёт в баню сама, даже без бабушки. Это был её праздник, её маленькое, тёплое таинство, и ждать она была готова ровно столько, сколько потребуется, но не секундой дольше.

Дверь в баню захлопнулась, унося с собой шуршание пакетов, смех и запах берёзового веника. В доме воцарилась особая, мужская тишина, не пустая, а насыщенная, спокойная. Только потрескивание поленьев в печи да тиканье часов. Дед, не спеша, подошёл к старому холодильнику в углу кухни, скрипнул дверцей и достал оттуда бутылку. Не какую-нибудь, а классическую, «беленькую», уже покрытую инеем от холода. Она запотела в его тёплых, мозолистых руках. Он поставил её на стол рядом с закуской, добыл из буфета две неброские стопки и сел напротив сына.

- Ну что, Вить, раз уж дамы свои тайны вершат... - он не договорил, но смысл был ясен: можно. Можно расслабиться. Не для того, чтобы напиться, а чтобы отметить - присутствием, сыновним долгом, простым совместным сидением.

Он налил. Водка, холодная, густая, разлилась с тихим, чистым звоном. Они чокнулись без громких тостов, просто кивнув друг другу. Первая стопка обожгла, прошла по жилам тёплой, расширяющей волной. Виктор закусил хрустящим огурцом, дед зубчиком чеснока с салом. Вкус был ядрёный, честный.

- Лёд на озере, поди, скоро встанет, - начал дед, глядя куда-то поверх стопки, будто разглядывая вдали гладь воды. - В прошлом году к ноябрю уже крепкий был. Надо буры проверить, не затупились ли. Как встанет, сходим. На окуня. Он по перволедью жадный.

- Ага, - кивнул Виктор. Он не был заядлым рыбаком, но эти разговоры, эти планы были частью ритуала. Они говорили не столько о рыбе, сколько о времени, которое можно провести вместе, молча, на морозе, глядя в прорубь.

- Я свои удочки поищу в гараже, может, ещё целы.

- Целые, я их осенью перебирал, - сказал дед с лёгкой гордостью человека, который ничего не выбрасывает зря.

Он долил по второй, уже чуть меньше. Выпили медленнее, смакуя.

- А ещё Сергей Петрович звонил. Говорит, кабанов в его угодьях много развелось, картошку роют. Звал поохотиться. Скоро сезон откроют. Может, махнём на пару дней? Ты давно в лесу-то не был. Охота...

Виктор мысленно представил не добычу, а лес. Глухой, зимний, засыпанный снегом. Тишину, нарушаемую только хрустом веток под сапогами и собственным дыханием. Убежище от всего. Возможность не думать ни о чём, кроме пути под ногами и следа на снегу.

- Может, и махнём, - сказал он, и в его голосе прозвучала неподдельная, давно забытая жажда этого простого дела. - Только мне с Викой надо будет уладить.

- Мать посидит, не впервой, - махнул рукой дед, как бы снимая все бытовые преграды. - Ей с внучкой и одной хорошо будет. А нам с тобой... размяться надо. Мужикам.

Они помолчали, доедая закуску. Разговор тек легко, обходя все острые углы. Не было ни слова о деньгах, о работе в такси, о прошлом. Было только настоящее: лёд, который вот-вот встанет, кабаны, которые портят картошку, и планы, которые связывали их невидимой, прочной нитью. В этой беседе не было нужды казаться сильным или успешным. Можно было просто быть. Сыном. Тем, кто слушает рассказы о бурях и вспоминает, как отец учил его ставить силки тридцать лет назад. Дед налил ещё по последней, совсем уже «на дорожку», совсем чуть-чуть.

- За простые дела, - сказал он, поднимая стопку. - За рыбу. За лес. За то, чтобы всё было тихо-спокойно.

Дверь из сеней скрипнула, и в дом ворвалась струя парящего, берёзового воздуха. Следом, окутанные этим облаком, вошли бабушка и Вика. Лица сияли, кожа светилась изнутри теплом, волосы у Вики, выбившиеся из-под шапки, вились влажными прядками. От них пахло мёдом, дубовым венником и чистым потом, здоровым, баннным запахом.

- Фу-у-х, хорошо-то как! - выдохнула бабушка, скидывая платок и протирая лоб.

Вика же, не говоря ни слова, с блаженным видом плюхнулась на стул у стола, потянулась за чашкой с уже налитым остывающим чаем. Она пила маленькими глотками, закрывая глаза, и на её лице застыло выражение абсолютного, детского блаженства.

- Ну что, командир, как парилка? - спросил дед, с усмешкой глядя на внучку.

Вика, не открывая глаз, медленно подняла руку и показала большой палец вверх. А потом, уже открыв глаза, сияющие, как две мокрые вишни, сказала одним словом:

- Супер!

- Я ещё дровишек подкинула, чтоб вам жарко было, - добавила бабушка, садясь рядом с внучкой и наливая себе чаю. - И венник берёзовый на полке оставила, настоится ещё.

Мужчины переглянулись. Сигнал был получен. Баня «дошла», ждёт.

- Ну что, Вить, двинем? - дед поднялся, его кости приятно хрустнули.

- Двинем, - кивнул Виктор.

Они допили последний, уже совсем холодный чай, и дед налил по символической, «на посошок» стопке. Не для хмеля, а для завершения ритуала, для перехода из состояния «застолье» в состояние «баня». Они выпили почти одновременно. Водка, выпитая, не торопясь и с хорошей закуской, не пьянила. Она давала лишь лёгкую, приятную усталость в мышцах и полную расслабленность в голове. Все мысли замедлились, отступили, оставив только ощущение тяжести и тепла в теле.

Собрав простыни и свежие полотенца, мужчины направились к двери.

- Не торопитесь, - сказала бабушка им вдогонку. - Пар ещё держать будет.

- Не замёрзните! - крикнула им Вика, уже откусывая от оставленного для неё кусочка пирога.

Парная встретила их густой, обволакивающей волной жара, который не жёг, а сразу проникал под кожу, до самых костей. Воздух был настолько плотным, что его почти можно было пить. Дед плеснул ковшиком воды на раскалённые камни в печи-каменке. Раздалось громкое, удовлетворённое шипение, и помещение наполнил лёгкий, ядрёный пар, пахнувший берёзовым листом и горячим камнем. Они молча разложили простыни на полке, широкой, тёплой лавке. Первые минуты прошли в молчаливом прогреве. Сидели, закрыв глаза, чувствуя, как жар выгоняет из тела всю городскую усталость, напряжение в плечах от руля, тяжёлые мысли. Пот выступил не каплями, а сразу ровным, обильным потоком.

- Давай, - хрипло сказал дед, беря в руки замоченный берёзовый веник.

Они ложились на животы по очереди. Удары веником были не хлёсткими, а тяжёлыми, от души, с расчётом. Сначала по ногам, потом по спине, по пояснице. Хлоп-хлоп-хлоп - ритмичный, почти музыкальный звук. Берёзовые листья, размягчённые паром и водой, не жалили, а хлестали жаром, загоняя его глубоко в мышцы. После каждого захода тело горело, но горело очищающим, хорошим огнём.

- Достаточно, - крикнул тот, кого парили, и они, обливаясь потом, выходили на крыльцо.

Ночной воздух после парной казался не просто прохладным, а ледяным, хрустальным. Он обжигал горячую кожу, заставлял вздрагивать каждым мускулом. Они стояли, подняв лица к чёрному, усыпанному звёздами небу, и дышали. Глубоко, полной грудью. Воздух пах ледяной сыростью, дымом и далёкой прелью осеннего леса. Контраст был шоковым и блаженным - адское пекло сменялось райской прохладой.

- Красота-то какая, - выдыхал дед, глядя на Млечный Путь, ясный и яркий вдали от городской засветки.

- Да, - коротко соглашался Виктор, чувствуя, как тело постепенно остывает, а в голове непривычная, абсолютная пустота и ясность. Ни мыслей, ни тревог. Только ощущение собственного живого, горячего тела и бескрайней ночи над головой.

Потом они снова ныряли в жар, снова парились, уже меньше разговаривая, больше кряхтя и постанывая от удовольствия. После второго захода на улицу дед сказал:

- Ну, хватит, что ли. Старые уже кости. Надо закаляться, а не надрываться.

Они ополоснулись из деревянного ушата ледяной колодезной водой, которая заставила кожу сжаться в мурашки и закричать от восторга. Обернувшись в простыни, они, уже молча, чуть покачиваясь от усталости и релакса, побрели обратно в дом.

Внутри было тихо. Бабушка и Вика уже спали. На столе для них стоял термос с травяным чаем и тарелка с оставшейся закуской. Они сели, пили чай, не говоря ни слова. Не нужно было. Всё, что можно было сказать, уже сказали жаром, вениками и ледяным воздухом. Теперь оставалось только сидеть в тишине тёплого, спящего дома, чувствуя, как в теле гудит приятная, здоровая усталость, а в душе неожиданный, хрупкий мир. На один вечер он был достигнут.

В доме воцарилась темнота и тишина. Виктор вдруг поднялся.

- Пап, я... кое-что в машине забыл. Проверить надо, - сказал он, и голос его прозвучал чуть хриплее, чем обычно.

- Ага, иди, - кивнул отец, не открывая глаз. - Ключи на гвоздике.

Виктор вышел на крыльцо. Ночной воздух, уже не шоковый, а просто холодный, обнял его горячее тело. Он спустился к машине, стоявшей под яблоней. Сегодня она казалась не рабочим инструментом, а шлюзом, соединяющим два мира. Он залез внутрь, включил плафон. Желтоватый свет озарил салон. Несколько секунд он просто сидел, слушая, как остывает мотор, издавая тихие щелчки. Потом потянулся к бардачку. Среди бумаг, салфеток и запчастей его пальцы нащупали ту самую смятую бумажку.

Он достал её, разгладил на колене. Номер был написан шариковой ручкой, немного размытый, будто его наспех выводили в темноте такси. Сердце начало биться чаще. Он смотрел на цифры, и в голове крутилась фраза матери: «Позвони. Сердце слушай. Оно умнее». А ещё фраза самой Алёны: «Иногда Вселенная посылает именно того, кто нужен».

Пару минут поколебавшись, он всё же набрал номер. Сигналы пошли в ночную тишину. Один, два... Он уже почти положил трубку, но на третьем гудке её голос раздался в динамике. Чистый, не сонный, будто она ждала звонка.

- Алло? Добрый вечер... Хотя уже почти ночь.

- Это Виктор. Я вас подвозил недавно, - сказал он, и его собственный голос показался ему чужим, натянуто-вежливым.

- Да, конечно, я помню вас, Виктор, - её голос прозвучал живо, с лёгким удивлением и явной радостью. - Спасибо, что позвонили. Ещё раз прошу прощения за моё тогдашнее состояние. Я, наверное, выглядела ужасно.

- Всё нормально, - выдавил он, и ответ показался ему убого-коротким.

Повисла небольшая пауза. Он слышал лишь её ровное дыхание в трубку. В голове метались мысли: «Что дальше? Зачем я вообще позвонил? Надо что-то сказать...». Он слегка занервничал, сжав телефон в потной ладони. Но она, почувствовав его неловкость, решила сама взять инициативу. Её голос стал мягче, теплее:

- А... может, мы как-нибудь встретимся? Выпьем кофе? Просто так. Без слёз и историй про бывших, - она добавила с лёгкой, обезоруживающей улыбкой в голосе.

Он выдохнул. Решение пришло само собой, без раздумий.

- Да. Конечно, - сказал он, и в этих двух словах было больше искренности, чем во всём предыдущем разговоре.

- Спасибо... что позвонили, - ответила она, и в её тоне прозвучало что-то робкое, тёплое, почти нежное. То, что тронуло его глубже любой уверенности.

Они одновременно повесили трубку. Виктор сидел в темноте салона, вцепившись в руль. Сердце колотилось бешено, отдаваясь глухим стуком в висках. Лицо его, уже остывшее после бани, снова стало пылать, но теперь не от пара, а от смеси стеснения, неожиданности и какого-то щемящего, забытого предвкушения. Он сделал это. Он пересёк черту. И эта черта вела не в бездну мести, а куда-то в сторону. В сторону простого кофе. В сторону жизни.

Он вышел из машины, вдохнул полной грудью холодный воздух и посмотрел на тёмный дом, где в одном окне светился тусклый огонёк ночника. Внутри спала его дочь, его опора и причина всего. А теперь в его кармане лежала смятая бумажка, которая вдруг стала пропуском в возможное будущее. Он почувствовал головокружение от этой двойственности. Но шаг был сделан. Обратной дороги не было.

Вернувшись в дом, Виктор застал тихую картину: дед, откинувшись в своём кресле, похрапывал равномерно и основательно. Телевизор был включён на нулевой громкости, и синий экран беззвучно лизал лицо спящего старика призрачным светом. Виктор выключил «ящик», накрыл отца стареньким пледом с оленями и на цыпочках поднялся по скрипящей лестнице.

Он приоткрыл дверь в комнату дочери. В свете ночника, падавшем из коридора, он увидел её. Вика спала сладко и беззаботно, разметавшись. Она лежала на спине, одна нога согнута

в колене и откинута в сторону, а рука была заброшена высоко за голову, ладонью кверху, будто она ловила в полусне падающие звёзды или облака. Её лицо было абсолютно спокойным, губы чуть приоткрыты. Он постоял минуту, слушая её ровное дыхание, и тихо прикрыл дверь.

Пройдя в свою комнату, он не сразу лёг. Сел на край своей старой кровати, ощутив под собой прохладу простыней. В голове, освобождённой банным жаром и расслабленностью, снова зазвучал её голос: «Спасибо... что позвонили». Робкий, тёплый. И его собственный, неуклюжий: «Да. Конечно». Он лёг на спину, закинув руки за голову, и уставился в тёмный потолок под самой крышей. Закрыв глаза, он попытался представить её. Не ту, что видел. Не ту заплаканную, с размазанной тушью и горькой складкой у рта. А другую. Ту, что пьёт кофе. Улыбается по-настоящему, не из вежливости. Идёт по улице, задумчиво глядя под ноги. Смеётся, запрокинув голову, но уже не от горькой иронии, а от какой-нибудь простой, смешной шутки. Он перебирал эти придуманные образы, как карты в колоде, пытаясь найти тот, что покажется самым правдоподобным.

Но усталость и глубокое расслабление после бани взяли своё. Мысли стали расплываться, картинки тускнеть и смешиваться. Её черты начали сливаться с тенями на потолке, голос с шорохом осенних листьев за окном. Между одним образом и другим, между «позвонил» и «встретимся», его сознание тихо соскользнуло в сторону. Незаметно для себя, под тихий храп отца снизу и далёкий крик ночной птицы за окном, он уснул. Сон был глубоким и без сновидений, как будто всё пережитое за день и баня, и разговор с отцом, и тот звонок - было достаточно сильным впечатлением даже для его подсознания. Впервые за долгое время он заснул не с тяжёлыми мыслями о прошлом или мрачными планами на будущее, а с лёгким, сбивчивым эхом простого человеческого голоса в ушах.

ГЛАВА 2

Тем временем, в небольшой квартире на окраине Москвы, в комнате, заваленной мягкими подушками и полужакрытыми коробками после недавнего переезда, Алёна тоже не спала. Вернее, она не могла уснуть, потому что всё её сознание было занято одной мыслью, которая крутилась, как заезженная пластинка, уже несколько дней. Она лежала на спине, уставившись в потолок, и снова и снова прокручивала в голове их встречу. Неловкую, пьяную, позорную. Она видела себя его глазами: размазанная тушь, покачивающаяся походка, горечь в голосе. Стыд накатывал волной, заставляя её зажмуриваться и прятать лицо в подушку. «Боже, какой же я была идиоткой. И перед ним, из всех людей...».

Но тут же, сразу после волны стыда, приходило другое чувство. Тёплое, щемящее, полное недоумения. Он не выглядел осуждающе. Он не был груб или брезглив, как некоторые водители. Он был... странным. В хорошем смысле. Он слушал. Он сказал то, чего не говорил никто: «Вы не штамп. Вы просто попали под колёса чужой подлости». Эти слова стали для неё маленьким якорем в море её собственного разочарования и унижения. Она ловила себя на том, что вспоминала не свою жалкую историю, а его лицо. Сосредоточенное, немного усталое, но с каким-то внутренним, непробиваемым спокойствием. И его голос. Низкий, немного хриловатый, говоривший простые, но какие-то очень правильные вещи.

И самое главное она ждала. Каждый раз, когда телефон подавал любой звук, её сердце делало маленький прыжок. Она проверяла экран, и разочарование, смешанное с пониманием собственной глупости, сменялось новой порцией тихой, упрямой надежды. Она даже не смогла выбросить тот чек, на котором написала номер. Он лежал у неё в кошельке, рядом с карточками, и она иногда нащупывала его пальцами, как талисман. Поэтому, когда раздался звонок и на экране всплыл незнакомый номер, она почувствовала не просто удивление. Она почувствовала узнавание. И когда он представился, она ответила почти мгновенно, с той самой, неподдельной радостью, которую не смогла скрыть.

Теперь, после короткого разговора, она лежала и смотрела в темноту с тихой улыбкой на лице. Стыд никуда не делся, но его теперь разбавляло предвкушение. Не романтическое безумие, а просто интерес. Интерес к человеку, который появился в самый мрачный её день и оказался... другим. Она тоже представляла его. Но не того, кого видела. Она пыталась представить его улыбающимся. Сидящим напротив за столиком в кафе. Спросила себя: а о чём он вообще? Что любит, кроме такси и радио «Монте-Карло»? Она не знала, что в этот самый момент, за много километров от неё, в доме под ломаной крышей, он тоже не спал, думая о ней. Два одиноких островка, на которые неожиданно накатила одна и та же волна, волна воспоминания, стыда, надежды и тихого, робкого ожидания. Их миры, такие разные, на несколько минут синхронизировались в тишине ночи. Она ждала его звонка. Он набрал номер. И теперь между ними протянулась невидимая, зыбкая, но очень прочная нить. Нить, которая могла вести куда угодно: к простой дружбе, к чему-то большему, или, как он боялся, к отвлечению от его главной цели. Но пока, этой ночью, это была просто нить, и она согревала их обоих.

Виктор проснулся от полной тишины. Не городской, с гудками машин за окном, а особой, деревенской, нарушаемой лишь редким карканьем вороны и далёким лаем собаки. Солнечный луч, пробившийся сквозь маленькое мансардное окно, пылил в воздухе. Он потянулся и понял, что в доме необычно пусто. Он спустился вниз. На кухонном столе, накрытая тарелкой, ждала его порция бабушкиного завтрака: яичница, пара бутербродов с сыром и домашняя горбушка хлеба. Рядом записка, нацарапанная на обрывке листа: «Вить, мы с Викусей в храм. Проснись, поешь. Мама».

А, точно. Воскресенье. Традиция. Его мать, несмотря на все советские годы, оставалась человеком глубоко верующим. И с появлением Вики она стала брать её с собой, не столько для религиозного воспитания, сколько для приобщения к ритму, к порядку, к тишине. Для Вики это было ещё одним приключением: красивые иконы, запах ладана, низкие поклоны бабушек и молодой священник. Виктор налил себе чай из чугунка, стоявшего в ещё тёплой печурке, сел за стол. Пару раз он ходил вместе с ними в храм. Обязательно на Пасху, точнее на Великую Субботу, они ходили все вчетвером, даже дед, освящать яйца, куличи и пасху.

И теперь его мать и дочь были там. Под сводами, в полумраке, среди мерцающих лампад. Вика, наверное, старательно ставила свечку «за здоровье папы», а бабушка «за упокой Леночки». Эта картина два самых дорогих ему человека в месте, которое олицетворяло для него нечто непостижимое, вызвала в нём странную смесь нежности и лёгкой тревоги.

Он доел завтрак, чувствуя приятную тяжесть в теле после вчерашней бани. И тут же, поверх мыслей о храме и традициях, всплыло вчерашнее. Звонок. Её голос. «Спасибо... что позвонили». Предложение о кофе. Сердце снова, уже на холодную голову, отозвалось коротким, нервным стуком.

Он вышел на крыльцо. Двор был пуст. Отец, видимо, ушёл по хозяйству. Виктор стоял и смотрел на дорогу, ведущую к храму, видневшемуся за леском синей маковкой. Две параллельные реальности существовали в нём одновременно: одна здесь, с запахом яблок и вчерашней мужской радостью. Другая там, в городе, с номером в телефоне, тёмными планами и неясным будущим. А посередине тоненький мостик в виде робкого женского голоса. Звонить сейчас, в воскресенье утром, было бы странно. Но мысль, что у него есть повод и даже согласие, грела изнутри сильнее, чем утренний чай.

Он повернулся и зашёл в дом, готовить ответный подарок для матери: мыть накопившуюся за их приезд посуду. Действие простое, ясное, не требующее душевных метаний. Пока женщины ищут утешения у Бога, он найдёт его в горячей воде и пене от хозяйственного мыла.

Виктор вспомнил священника. Отец Анатолий. Молодой, лет тридцати, но держался степенно, с чуть поднятым подбородком. В этом сельском храме он был единственным служителем, и эта монополия на духовность, видимо, давила на него тяжёлой ответственностью. От опыта мало, от строгости через край. Он мог сделать замечание за шёпот, выговаривал за непо-

добающую одежду. Вёл себя не как утешитель, а как надсмотрщик. Исповедь у него была испытанием: не утешал, а обличал. Его голос звучал с неестественной сухостью. Бабушки выходили от него не с облегчением, а с чувством вины. И именно туда, под этот сухой взгляд, пошли сегодня его мать и дочь.

Виктор доел яичницу, представляя эту картину. Вика робко ставит свечку. А вокруг неё сразу соберутся местные бабушки. Будут умиляться, гладить по голове, совать леденцы и просить помянуть далёких родственников. Вика, воспитанная, будет кивать, взваливая на детские плечи десяток чужих имён.

Он вышел на крыльцо. Утро было свежим, прозрачным. В этой тишине и простоте вчерашний звонок Алёне казался чем-то из другого измерения. Одно дело тёмные мысли о городе. Другое, хрупкая ниточка к простому общению. И совсем третье, деревенский театр с важным священником. Он потянулся, чувствуя ломоту в мышцах. Сегодня будет тихий день. А в понедельник он, возможно, наберётся смелости отправить ей сообщение. Насчёт кофе.

Храм, старый, из тёмного кирпича, с синими куполами, стоял на пригорке. Внутри было прохладно, сумрачно, пахло воском и ладаном. Прихожан было немного, пожилые женщины в платочках да пара местных мужиков. Царские врата закрыты, служба шла неторопливо. И во главе действия был он - отец Анатолий. Молодой, с аскетичным лицом, двигался по более важно. Его голос, читавший молитвы, звучал чётко и сухо. Он ловил каждое движение: шёпот соседок, подросток в кепке и уже слышалось громкое: - В храме Божьем - головной убор снять! Он чувствовал себя строгим управителем.

Люди выстраивались у аналоя. Отец Анатолий принимал их с непоколебимо серьёзным видом. Короткие реплики были похожи на выговоры: - Опять в том же каешься? Значит, не стараешься! - Молиться надо усерднее. Пенсионеры вздыхали, съезжались.

И вот подходила Вика. Бабушка мягко подтолкнула её вперёд. И с отцом Анатолием происходила метаморфоза. Его напряжённые плечи опускались, жёсткие складки у рта разглаживались. Он сам был отцом маленькой дочки, и вид этой серьёзной девочки в платочке что-то трогало в его сердце. Вика кланялась по-взрослому. Сложив ручки, тихо, но чётко: - Каюсь, батюшка, что не слушалась папу однажды... что позавидовала подружке новой игрушке... что ленилась делать уроки... Она исповедовалась точно, по пунктам. Бабушка научила: говори о поступках, не «во всём грешна». Отец Анатолий слушал, слегка наклонившись. Его лицо стало внимательным, почти отеческим. Он не сыпал обличениями. Голос зазвучал тише, мягче: - Господь милостив, чадо. Осознание - первый шаг. Постарайся больше не гневить папу, не завидовать. Учёба - твой труд, относись к нему с усердием. Иди с миром. Он накрывал её голову епитрахилью, читая разрешительную молитву. В этот момент он был не гордым священником, а просто отцом, благословляющим ребёнка. Для Вики важный ритуал. Для отца Анатолия редкая минута, когда роль пастыря сливалась с отцовскими чувствами.

Отойдя, Вика попадала к бабушкам. Её обступали, гладили по щеке, совали леденцы. Вика кивала, чувствовала себя важной. А отец Анатолий, отпустив её, снова поднимал подбородок, лицо застывало в строгой маске. Но на пару минут ему удавалось быть настоящим. И, может быть, ради таких минут он и стоял здесь.

После службы, выйдя из прохладной полутьмы на солнце, они не сразу пошли домой. Бабушка взяла Вику за руку и свернула на тропинку к краю деревни.

- Зайдём к тётке Маше, - сказала она. - Чаю попьём.

Тётя Маша жила одна, но в одиночестве не кисла. Двор был полон жизни: квохтали куры, белели кролики в клетках, из загончика с философским взглядом смотрела коза Нюрка. Встречали радушно. Тётя Маша, круглолицая, в фартуке, уже ставила чайник и выкладывала гостинцы. Но главной целью были дары: десяток тёплых яиц и банка парного козьего молока.

Пока бабушки усаживались за разговоры, Вика ринулась во двор.

- Можно я покормлю?

Тётя Маша улыбнулась:

- Иди, внучка, только петуха опасайся.

Петуха Ваську Вика не боялась. Это был громадный, пёстрый хозяин двора. Увидев девочку, он важно расхаживал, грозно расправлял крылья, издавал хриплые звуки. А потом атаковал. Несильно, подлетев сбоку. Вика не отпрянула. Лишь отвернулась и лёгким движением ноги оттолкнула его, как назойливый пустой пакет.

- Отстань, Васька.

Петух, ошарашенный дерзостью, отскочил, пробурчал и удалился вымещать обиду на курах. Вика уже спешила к кроликам. Брала морковь и листья капусты, просовывала сквозь прутья. Кролики шевелили носиками, грызли угощение. Она замирала, наблюдая, с безмятежной улыбкой. Потом шла к Нюрке, чесала между рогами, а коза благодарно тыкалась влажным носом в ладонь. Стоя в шумном, пахнущем сеном дворике, она была в своей стихии. Здесь не было строгих взглядов, не было груза чужих имён. Простая жизнь: ты даёшь еду, тебе отвечают доверием. Здесь Вика чувствовала себя хозяйкой и другом.

Вернувшись, они принесли не только яйца и молоко, но и впечатления. Дом снова наполнился шумом. Бабушка приступила к обеду, а Вика ринулась к отцу, который колот дрова.

- Пап, мы вернулись! - её глаза сияли. - А я кроликов кормила! И козу Нюрку! Она такая смешная, языком морковь берёт! А петух Васька опять на меня напал, а я его ногой - раз! И он ушёл!

Виктор слушал этот поток, отряхивая руки от коры. Подхватил дочку, покружил, пошли в дом.

За столом, ломившимся от щей и картошки с грибами, царила ленивая, сытая атмосфера. Все были приятно уставшими. Вика, поджав ноги на стуле, снова принялась за рассказ:

- А в храме батюшка такой строгий... всем делает «ш-ш-ш!». Но ко мне... - она сделала паузу, - ко мне он добрый был. Говорил «чадо». А потом бабушки мне конфеты давали и просили помянуть усопших. Я всех запомнила!

Бабушка кивала, подливая щей:

- Умница у нас. И тёте Маше помогла.

Виктор смотрел на дочку, на родителей, и чувствовал, как хроническая трещина в душе ненадолго затягивалась. Здесь он мог быть просто сыном и отцом. Человеком, который слушает про кроликов, а не тем, кто вынашивает леденящие планы. Он поймал взгляд матери. Она смотрела с тихой улыбкой, будто говоря: «Вот видишь? Вот она, жизнь. Простая и хорошая». И где-то глубоко внутри, под толщей боли и решимости, что-то дрогнуло. Что-то, что очень хотело верить, что этой жизни может быть больше. Что, возможно, в неё даже поместится чашка кофе с Алёной.

В доме началось привычное, немного грустное движение - сборы. Вика сновала по лестнице, складывая в чемоданчик вещи, рисунки, книгу. Бабушка, скрывая печаль за суетой, наполняла сумки: банки с соленьями, пирог в полотенце, пакет с яйцами и молоко, которое нужно было довести целым.

Прощались долго. Бабушка обнимала Вику, шептала что-то на ухо. Потом крепко обняла Виктора, прижав его голову к плечу. От неё пахло сдобой и безграничной, тихой любовью.

- Приезжайте чаще, - просто сказала она.

- Обязательно, мам, - хрипло ответил он, целуя её в щёку.

Дед похлопал его по плечу, помахал Вике из-за спины. Машина тронулась, оставляя на крыльце две одинокие фигуры, которые долго махали им вслед, пока автомобиль не скрылся за поворотом.

Первые километры Вика щебетала без умолку, пересказывая яркие моменты уикенда: как парилась веником, как отбилась от петуха, как батюшка сказал «чадо». Потом, намотавшись за

два дня, она постепенно стихла, уткнулась в планшет, и в салоне воцарилась ровная дорожная тишина, нарушаемая только шумом двигателя.

И в этой тишине мысли Виктора, словно по накатанной колее, снова возвращались к ней. К Алёне. Он вспоминал не пьяную попутчицу, а голос в трубке. Робкий, тёплый, живой. «Спасибо... что позвонили». И своё собственное, почти мальчишеское: «Да. Конечно». На кофе. Простое, бытовое слово, которое теперь казалось ему полным скрытого смысла и трепета. Он ловил себя на том, что смотрит на проносящиеся за окном огни невидимых деревень и представляет не дорогу домой, а столик в кафе. Какой-нибудь непритязательный, с зелёной скатертью. И её, сидящую напротив. Какой она будет? В чём? Как будет смотреть? Эти мысли были тихими, но настойчивыми. Они вытесняли даже привычный фон тревоги, даже тень тех тёмных планов, которые лежали в самом дальнем уголке его сознания. Сегодня, после бани, после отцовского разговора, после материнского напутствия, эти планы казались чем-то далёким, почти нереальным. А вот звонок и договорённость о встрече это было здесь и сейчас. Это было осязаемо.

Он бросил взгляд на дочку в зеркало заднего вида. Она уснула, прижавшись щекой к стеклу. Его сердце сжалось от привычной смеси любви и боли. Ради неё, - подумал он. Но тут же другой, новый голос спросил внутри: А разве ради неё я должен навсегда похоронить в себе всё живое? Разве Лена хотела бы видеть меня таким - окаменевшим в своём горе?

Вопросы остались без ответа. Но сам факт, что он смог их себе задать, уже был сдвигом. Машина мчалась по темнеющей трассе, увозя его из мира простых истин и тёплых пирогов обратно в мир асфальта, одиночества и сложных выборов. Но на этот раз в его багажнике, помимо банок с соленьями, лежало кое-что новое. Смятение, трепет и слабая, но упрямая надежда, упакованная в простую фразу: «А может, мы встретимся и выпьем кофе?»

Суббота в магазине бытовой техники была адом, акции, наплыв покупателей, гомон. Коллеги перебрасывались шуточками за его спиной, передразнивая его хриплый голос или неуклюжую манеру объяснять.

- Артём, клиент спрашивает про инвертор в кондиционере, иди, просвети! - крикнул менеджер с знакомым язвительным подтекстом.

Раньше такие моменты заставляли Артёма сжиматься, голос становился тише. Но сегодня было не так. Он кивнул и пошёл к покупателю. Пока он монотонно перечислял характеристики, его сознание было где-то далеко. Он не видел перед собой мужчину, а видел её. Вику. Сидящую в такси. Чистый профиль, светлые волосы, упавшие на щеку. Её голос: «В шестом». Подколки коллег пролетали мимо, как фоновый шум. Они были неважным звуком. Всё его существо было занято одним образом. Он прокручивал в голове их короткий диалог, дорисовывая его, растягивая, вставляя туда себя. Артём представлял, как они вместе смотрят мультики (он бы подсказывал ей, какие круче). Как он показывает ей свои достижения в игре. Как они молча, но в полном взаимопонимании, сидят где-нибудь в парке. В его искажённом воображении она была не ребёнком, а идеальным, чистым существом, которое его не отвергает, не смеётся, а принимает. Единственным, кто его «увидел».

После работы он не поехал домой. Сел на автобус и поехал в другой район. Тот, который запомнил по поездке. Вышел на остановке и просто пошёл. Без цели. Но ноги сами принесли его к высокому кирпичному зданию с табличкой «Гимназия № 174». Школа была пуста и темна. Он стоял напротив, за забором, и смотрел на тёмные окна. «Она там учится. За одним из этих окон сидела её парта. Она ходит по этим коридорам». Это знание наполняло его странным, горячим чувством близости. Он не планировал ничего плохого. Он просто... был рядом. Как коллекционер, часами стоящий у витрины музея, разглядывающий желанный экспонат. Простоял так почти час, пока дворник не начал косо на него поглядывать. Тогда Артём, сгорбившись, медленно ушёл. Но в груди у него что-то зажглось и заняло.

В воскресенье он приехал снова. С самого утра. На этот раз он не стоял на одном месте. Он ходил. По тропинкам вокруг школьного стадиона. По соседним улицам, выискивал признаки её присутствия в мире. Вот детская площадка, может, она тут играла? Вот магазинчик с канцелярией, может, она сюда за тетрадками заходит? Его пустой взгляд был теперь сфокусированным, сканирующим. Впитывал каждую деталь, привязывая её к ней в своём сознании. Представлял, как она идёт вот по этой дорожке с рюкзаком. Как заходит в вот эту палатку с мороженым. Даже купил себе эскимо, хотя не любил сладкое, и ел его медленно, чувствуя, что совершает некий ритуал причащения к её миру. Он провёл так почти весь день. Без еды, без усталости. Его питала одержимость. Он не думал о том, что делает что-то ненормальное. В его изменённой реальности это был самый логичный поступок: если что-то стало самым важным в твоей жизни, ты должен быть рядом с этим, изучать это, насыщаться этим.

Когда начало смеркаться и вокруг школы снова воцарилась воскресная пустота, он наконец ушёл. В кармане у него лежал фантик от того эскимо, трофей, сувенир из её мира. Артём ехал домой в переполненном автобусе, но не замечал толпы. Он смотрел в тёмное окно и видел в нём не своё отражение, а её лицо. И смутно чувствовал, что просто «быть рядом» уже недостаточно. Ему нужно было что-то большее. Какая-то форма контакта. Но какая? Этот вопрос, тёмный и неоформленный, начал медленно зреть в глубине его пустого, больного сознания. Пока Вика кормила кроликов и слушала бабушку, её образ уже стал навязчивой идеей, тюремщиком и единственным светом в абсолютно тёмной комнате чужой, искалеченной души.

Гуляя бесцельными кругами вокруг безмолвной школы, Артём не просто «думал о ней». Его мысли, лишённые здоровых фильтров и моральных ориентиров, начали сползать по наклонной плоскости. Сначала это были просто фантазии о случайной встрече: вот она выйдет из школы, он «случайно» окажется рядом, они заговорят... Но этого было мало. Слишком ненадёжно. И тогда, как тёмный росток, пробилась первая конкретная мысль: «А что, если... взять её с собой? Чтобы она была всегда рядом. Не в воображении, а наяву».

Он не думал словами «похитить». В его терминологии это формулировалось иначе: «забрать», «взять под защиту», «спасти от этого шумного, не понимающего её мира». Артём начал продумывать детали, с маниакальной тщательностью, с какой когда-то изучал характеристики холодильников. Утро. Она идёт в школу одна? Или с отцом? Если одна, легко. Подойти, сказать, что её папа прислал... Увезти. Привести домой. И тут мысль наткнулась на первое препятствие. Не моральное, а чисто бытовое, техническое. Мать. Она живёт с ним. Она будет дома. Она увидит. Она начнёт задавать вопросы, хныкать, звонить кому-то. Она испортит всё.

Артём замер посреди тротуара, уставившись в асфальт. Внутри него, поверх тёплого, болезненного образа Вики, всплыло другое лицо, усталое, вечно недовольное, с глубокими складками у рта. Мать. Та, что будит его по утрам стуком кастрюль, ворчит на невытую посуду в его комнате и своим одним присутствием напоминает ему о его жалкой, никчёмной реальности. И в этот момент, холодно и чётко, как щелчок выключателя, пришла вторая мысль, ещё страшнее первой: «Она - лишняя. Она будет мешать. Она не должна быть здесь, когда Вика придёт».

Он не думал об убийстве. Он думал об удалении помехи. Как удаляют мешающую программу с компьютера. Как убирают с дороги пустую коробку. Мать была этим препятствием на пути к его единственному свету, к его спасению. В его чёрно-белом, искажённом мире не было места сомнениям или жалости. Была цель (Вика, её присутствие, её чистота) и были препятствия (вся остальная, враждебная вселенная, воплощённая сейчас в образе его же матери).

Он резко развернулся и быстрым шагом пошёл прочь от школы, к автобусной остановке. Его лицо, обычно пустое, было теперь искажено сосредоточенной, холодной решимостью. Фантазии о совместном просмотре мультиков сменились практическим планированием. Нужно было что-то сделать с матерью. Освободить пространство. А потом... потом можно будет при-

вести Вику домой. В их дом. Где её никто не обидит, где он сможет о ней заботиться, где она наконец-то увидит, какой он на самом деле хороший.

Он сел в автобус, глядя в окно, но уже не видел улиц. Он видел свою комнату, очищенную от материнского присутствия. И в центре этой комнаты, как самый драгоценный экспонат в теперь уже абсолютно безопасной витрине, он видел её. Сидящую на его кровати. Смотрящую на него доверчиво. Молчаливую, но принадлежащую ему. Петля одержимости затянулась ещё на один виток, смертельно опасный. И он даже не осознавал, что пересёк грань, отделяющую большое фантазирование от готовности к действию. Домой он вёз не только фантик от эскимо. Он вёз в своей израненной голове зародыш будущей катастрофы.

Автобус трясся на колдобинах, свет фонарей мелькал в окнах, бросая полосатые тени на лица пассажиров. Артём сидел, сгорбившись, уткнувшись лбом в холодное стекло. Мысли о матери как о «препятствии» вызвали в нём не злость, а новую, извилистую цепочку рассуждений. «Нет, - подумал он, сопротивляясь жёсткой логике „удаления". - Так нельзя. Она же мама». И тут же, как будто защищаясь от собственной чудовищной предыдущей мысли, его сознание выстроило новую, иллюзию оправдания. «А может... может, ей всё рассказать? Объяснить? Она же мать. Она должна понять».

В его воображении возникла картина. Он садится с матерью на кухне, за столом, заваренным её же недопитым чаем. Он говорит тихо, но убеждённо. Говорит о своей тоске, о своём одиночестве, которое длилось всю жизнь. О том, как все его обижали, смеялись, отталкивали. И вот - ОНА. Девочка. Чистая, светлая, неиспорченная. Она не засмеялась. Она ответила. Она - ключ. Ключ ко всему: к счастью, к покою, к нормальной жизни. «Она должна понять, как мне тяжело, - настаивал он мысленно, обращаясь к воображаемому образу матери, который вдруг стал выглядеть не ворчливым и уставшим, а внимательным и мудрым. - И как будет легко... как будет хорошо, когда это прекрасное создание будет с нами. Вместе».

Он даже не заметил, как мысленно включил мать в свой бред. Не «со мной», а «с нами». Рисовал в голове идиллию: вот они втроём сидят в той же самой кухне. Мать, наконец-то улыбающаяся, печёт пироги. Вика... Вика рисует что-то за столом или читает. А он... он просто присутствует. Он больше не «Артём-вонючка» или «Артём-чмошник». Он - защитник, хозяин, тот, кто принёс в этот дом свет. Мать, увидев это, наконец-то оценит его. Поймёт, какой он на самом деле. Перестанет вздыхать и смотреть на него с укором. «Тогда всё изменится, - думал он с болезненной, жадной надеждой. - И жизнь станет совсем другой. Наполнится... красками». Он не знал красок в реальной жизни, знал только пиксели на мониторе. Но в этой фантазии всё было ярким, как в мультфильме. Дом пахнет не затхлостью и отчаянием, а пирогами и детским смехом. Тишина будет не гнетущей, а мирной. И его мать, наконец-то, перестанет быть проблемой и станет частью решения.

Эта мысль успокоила его. Она дала его одержимости видимость семейной, почти благородной цели. Он не похититель. Он - спаситель. И для себя, и для этой девочки (от кого? от обычной жизни? он не задумывался), и даже для своей матери, которой он подарит смысл и радость в старости. Когда он вышел у своего дома, его лицо уже не было искажено холодной решимостью. Оно было задумчивым, почти одухотворённым. Поднялся в свою квартиру, прошёл мимо матери, которая, как всегда, что-то ворчала, гремя посудой у раковины. Он не услышал её слов. Он смотрел на неё и думал: «Скоро ты всё поймёшь. Скоро ты будешь мне благодарна. Мы будем счастливы. Втроём».

Прошёл в свою комнату и сел за компьютер. Но сегодня он не стал заходить в игру или открывать привычные вкладки. Открыл чистый лист текстового редактора и начал набирать. План. Не план похищения, а план объяснения. План новой жизни. Он писал для матери. Чтобы она поняла. Артём был уверен, что она обязана понять. Ведь она же его мать. А разве настоящая мать не хочет счастья своему сыну? И вот он нашёл ему формулу. Совершенную, чистую, светлую. В виде девочки по имени Вика. Он не видел в этом ничего ненормального, но видел в

этом единственный возможный выход. И эта уверенность была страшнее любой хладнокровной жестокости.

Его тихий, больной утопический мир, где все должны были его понять и принять, разбился вдребезги одним резким, пронзительным звуком.

- Артём! Ты опять как чурбан! - голос матери прорвался сквозь тонкую стенку, хлесткий, полный накопившейся за день усталости и раздражения. - Весь день слоняешься где-то, а дома - грязь! Ты ни черта не делаешь, не помогаешь! Только в своём компьютере сидишь, как пришитый! На моей же шее сидишь, дармоед!

Каждое слово било, как плеть, по его и без того хрупкой психике. Он замер перед монитором, на котором мигал курсор в середине недописанной фразы о «семейном счастье». Тёплый мираж «втроём» испарился, оставив после себя ту самую, ненавистную, знакомую реальность. Реальность, в которой он - не спаситель и не хозяин положения, а «чурбан», «дармоед», обуза на шее усталой, вечно недовольной женщины.

Он не обернулся. Сжал кулаки так, что костяшки побелели. Злоба, горячая, удушающая, слепая, поднялась комком в горле. Она не понимала. Она никогда не поймёт. Она была частью этого мира, который его ломает, унижает, не видит. Она не хотела видеть его «прекрасное создание». Она хотела, чтобы он вынес мусор и помыл пол. И в этот момент все его сложные построения, все планы «объяснений» рухнули. На их месте осталась только простая, чёрная истина, которая уже зрела в нём ранее, а теперь оформилась окончательно. Она - не мать, которая поймёт. Она - препятствие. Шум. Помеха. Та самая «грязь», о которой она кричит.

Её крик выжег из его фантазий последние следы сомнений и жалости. Медленно, с неестественным спокойствием, он закрыл текстовый документ, не сохраняя. Потом выключил компьютер. В комнате стало тихо, только с кухни доносилось сердитое бряцание посудой. Он встал и вышел в коридор. Прошёл мимо кухни, не глядя на мать. Она что-то ещё крикнула ему вслед, но он уже не слышал слов, а слышал только звон в ушах и ровный, холодный пульс новой решимости где-то глубоко внутри.

Артём зашёл в ванную, закрылся и уставился на своё отражение в зеркале над раковиной. Бледное лицо, пустые глаза, в которых теперь горела не мечтательность, а тупое, сфокусированное упрямство. План «втроём» был отменён. Теперь был только план «для двоих». Его и Вики. И для его осуществления нужно было освободить пространство. Тихо. Навсегда. Чтобы никто и ничто больше не мешало ему построить свой новый, правильный мир, где его наконец-то увидят и полюбят.

Он умыл лицо ледяной водой, старательно вытер его. Когда он вышел из ванной, его лицо было чистым и совершенно бесстрастным, он прошёл в свою комнату, лёг на кровать и уставился в потолок, методично выстраивая в голове новые, уже технические детали. Крик матери стал последним толчком, который столкнул его с неустойчивого края больных фантазий в бездну готовности к реальному действию. Исходные данные изменились. Теперь у него была не просто мечта. У него была проблема (мать), и он начал искать решение.

Артём стоял на пороге кухни, наблюдая, как мать, обрюзгшая, с тёмными, как синяки, кругами под глазами, сидит за столом и монотонно ворчит, перебирая чеки и квитанции в старой шкатулке.

Её руки дрожали от усталости. И в этот момент в нём, поверх злобы и холодного расчёта, кольнуло что-то другое. Жалость. Та самая, детская, к женщине, которая когда-то была молодой, а теперь стала измученным существом.

- Мам, - хрипло начал он, подходя ближе. - Я... я хочу тебе кое-что сказать.

Мать взглянула на него поверх очков. В её взгляде не было интереса, только привычное раздражение. «Что ещё? Деньги нужны?»

- Нет... - он сел напротив, сложив руки на столе, как школьник. - Я... я встретил... одну девочку. Она особенная. Она... она меня понимает.

Лицо матери на секунду оживилось. Усталые складки у рта дрогнули, в глазах мелькнула искра надежды. Сын, который тридцать лет был молчаливым комком в углу, заговорил о девушке! Может, жизнь налаживается? Она даже выпрямилась.

- Девушку? Наконец-то, Артём! Ну и как её зовут? С работы что ли? Приведи в гости!

- Вика, - выдохнул он, и лицо озарилось болезненной нежностью. - Ей одиннадцать. Она... как ангел. И если она будет с нами...

Он не успел договорить. Искра погасла, сменившись полным, леденящим непониманием, а затем - взрывом.

- ЧТО?! - её голос, хриплый от крика и сигарет, взрезал кухонную тишину. Она вскочила, опрокинув стул. - Ты о чём говоришь?! О каком ребёнке?! О какой «будет с нами»?! Ты совсем ебанутый?!

- Мама, ты не понимаешь, она...

- Я всё понимаю! - закричала она, и лицо, искажённое гримасой отвращения и ужаса, стало похоже на маску. - Ты совсем конченный! Больной на всю голову! Я так и знала, что из тебя ничего путного не выйдет! Из-за таких, как ты, матери с горя сгорают!

Каждое слово било сильнее любого удара. Они лишали последних иллюзий о том, что кто-то может понять.

- Мама, перестань...

- Молчи! Не мама я тебе! Сволочь! Урод! - она швырнула в него шкатулкой, мелочь и чеки рассыпались по полу звенящим градом. - Зря я тебя такого родила! Лучше бы выкидыш был, чем это... это чудовище! В тюрьму тебя, мразь! И чтоб я тебя больше не видела! Вон из моего дома!

Она кричала, давась слезами ярости и отчаяния, тыча в него дрожащим пальцем. Её крик был не просто гневом. Это был крик окончательного, бесповоротного отвержения. Тот самый, которого он боялся всю жизнь. А получил его от единственного человека, который по умолчанию должен был быть на его стороне.

Артём сидел, сгорбившись, словно физически ощущая каждый удар этих слов. Внутри что-то окончательно и бесповоротно сломалось. Жалость испарилась. Осталась только глухая, абсолютная пустота, а в её центре ледяное, кристально ясное знание. Его мать только что подтвердила всё, что он думал о ней в самые чёрные минуты. Она не союзник. Она не поймёт. Она - враг. Часть того враждебного мира, который хочет отнять последний шанс на свет.

Он медленно поднялся. Не сказав больше ни слова, не взглянув на рыдающую женщину, развернулся и ушёл в свою комнату. Дверь закрылась с тихим щелчком, отсекая истеричные рыки с кухни. Он сел на кровать и уставился в стену. В голове не было ни злобы, ни обиды. Был только итог. Мать сама сделала выбор. Она сама назвала его чудовищем и выгнала. Значит, так тому и быть. Теперь точно никто не будет мешать.

Он подошёл к окну, отодвинул занавеску. На улице было темно. Где-то там, в другом конце города, спала девочка по имени Вика. Его свет. Его смысл. И теперь между ним и этим смыслом не осталось никаких препятствий. Ни моральных, ни бытовых. Теперь у него был только один путь вперёд. И он будет по нему идти.

Крик матери не утихал. Он пробивался сквозь стену, проникал под дверь, сверлил мозг - хриплый, истеричный, полный такой ненависти и отвращения, что от них негде было спрятаться. Артём сидел на кровати, сжав голову руками, но не мог заглушить этот звук. В горле першило, стало сухо. Физическая потребность пересилила желание спрятаться. Он поднялся и, словно лунатик, вышел на кухню.

Мать, стоя у стола, вся тряслась, из неё лился тот же бесконечный поток проклятий. Она его не видела. Она кричала в пространство, в того воображаемого монстра, которым он для неё стал.

- ...Ты debil, ты понимаешь, что у тебя в голове? Ты понимаешь, что тебя посадят, а знаешь что с такими на зоне делают? Из тебя сделают пид...

Он прошёл мимо неё к раковине, повернул кран, наклонился и стал пить прямо из струи. Холодная вода обожгла пересохшее горло. Он пил жадно, шумно, закрыв глаза, пытаясь заглушить этим звуком её голос.

Рядом, на подносе у раковины, лежала помытая посуда. Ложки, вилки. И два ножа. Один - маленький, овощной. Второй - большой, с широким лезвием, которым режут хлеб и мясо. Лезвие блестело под светом лампочки.

- ...раса! - выкрикнула она последнее слово, и оно прозвучало как приговор.

Он резко выпрямился, оторвавшись от крана. Вода стекала с подбородка. Взгляд упал на нож. Потом медленно перевёл на мать. Она смотрела на него, и в её заплаканных, выцветших глазах теперь был не просто гнев, а что-то животное, первобытное, ужас и полное понимание того, на что способен её сын.

Он не думал. Тело двинулось само. Рывок. Рука схватила большой нож за рукоять. Поворот на каблуках. Она даже не успела отпрянуть. Только глаза стали совершенно круглыми. Удар был не яростным, а чётким, точным, почти техничным. Он всадил нож ей прямо в горло, чуть ниже кадыка. Лезвие вошло с глухим, влажным хрустом.

Наступила тишина. Абсолютная.

Потом из-под рукояти, из перерезанного горла, хлынула кровь. Не полилась, а рванула толчками, синхронно с последними судорожными ударами сердца. Алая, тёмная, пульсирующая струя. Мать не закричала. Издала лишь короткий, булькающий хрип, и её руки судорожно взметнулись к шее, к торчащей рукояти. Пальцы обхватили его руку, слабо, уже теряя силу. Она попыталась вытащить нож, но он лишь сильнее придавил его и слегка провернул в ране. Это было последним движением. Кровь брызнула сильнее, заливая домашний халат, брызгая на стол, на пол. Она закачалась, взгляд, полный немого ужаса и вопроса, который уже не будет задан, намертво застыл на его лице. Потом тело обмякло и тяжело рухнуло на пол, на лужу быстро расплзающейся крови.

Артём стоял над ней, всё ещё сжимая рукоять. На лице не было ни ярости, ни ужаса, ни облегчения. Была лишь глубокая, ледяная пустота. Тишина, наконец, наступила. То самое, долгожданное отсутствие раздражающего шума, крика, упреков. Препятствие было устранено. Теперь путь был свободен.

Он не отрывал от неё глаз. Просто опустил на корточки, потом сел на пол прямо в луже крови, которая ещё была тёплой. Её взгляд застыл, остекленевший, направленный куда-то на полки с банками над раковиной. Смотрела на огурцы. На варенье. На обычную жизнь, которая для неё только что закончилась.

Как-то нужно было избавиться от тела, - подумал он с такой же спокойной, отстранённой ясностью, с какой планировал поход в магазин. Паника, отвращение, ужас - эти эмоции были для других. У него внутри была только глухая, рабочая необходимость. Он начал перебирать варианты, как задачу в головоломке. Не работала. Подруг нет. Родственники... Да, были какие-то тётки, но они давно отгородились, стыдятся его, стыдятся этой убогой жизни. Лишний раз не обозначают своего присутствия. Значит, не забегут, не зазвонят. Неделю, а то и больше, никто не хватится. Время есть.

Метод пришёл в голову не как чудовищная идея, а как наиболее практичное решение. Квартира на пятом этаже. Выносить тело целиком - риск. Нужно уменьшить объём. Переработать. Как мусор.

Он встал, аккуратно переступил через лужу, которая уже начинала густеть, и вышел в тесный, заставленный хламом коридор. Под потолком висели старые антресоли. Потянул за шнурок, откинул дверцу. Пахло пылью, нафталином и старой древесиной. Среди свёртков со старыми одеялами, коробок с ёлочными игрушками и ненужным барахлом нашупал то, что

искал. Старый чемодан с инструментами. Достал, спустился с ним на пол. Открыл. Там, среди молотка, пары отвёрток и разводного ключа, лежала старая, с потёртой ручкой ножовка по металлу. Зубья мелкие, острые. Провёл пальцем, зацепились за кожу.

Вернулся на кухню. Кровь уже перестала пульсировать, растекаясь ровным, тёмно-бордовым озером. Посмотрел на тело, потом на узкий проход в ванную. Потом на ножовку. Теперь всё было ясно. Техническая задача. Необходимо разделить на части, которые можно упаковать в мешки. Потом утилизировать. По частям.

Он подошёл к телу, взял под мышки. Оно было тяжёлым, безвольным. Поволок по линолеуму, оставляя за собой широкий кровавый след, в ванную. Уронил в пустую чугунную ванну. Звук был глухим, мокрым. Потом вернулся на кухню, нашёл под раковиной упаковку чёрных плотных мусорных мешков для строительного мусора, которые мать когда-то купила про запас. Взял рулон скотча. Всё, что нужно.

Вернулся в ванную, закрыл дверь, чтобы не видно было из коридора. Встал над ванной, в которой лежало то, что несколько минут назад было его матерью. Взял ножовку. Вспомнил, как однажды пилил трубку. Нужно было сильное, равномерное давление. Примерился. Первый раз к шее, чуть ниже того места, где торчал нож. Нужно было начать с самого сложного. Сделал первый запил. Звук был другим, чем по металлу. Глухой, хрустящий, влажный. Артём не дрогнул. Это была просто работа. Самая важная работа в его жизни. Работа по очистке пространства для нового начала. Для Вики.

Пока его руки были заняты кровавой работой, разум продолжал строить будущее. Сначала, как сладкую компенсацию за ужас настоящего, в голове проносились наивные, светлые картинки. Он представлял, как подходит к ней у школы. Улыбается своей редкой, неловкой улыбкой. Говорит тихо: «Вика, помнишь меня? Я Артём. Я... я всё время думал о тебе. Ты самая чудесная девочка на свете. Пойдём со мной? Мы будем вместе. Я буду тебя защищать, играть с тобой, всё для тебя сделаю». И она, в его фантазии, светлела лицом, глаза загорались ответным светом понимания. Она протягивала руку и без тени сомнения говорила: «Да, Артём, я тоже тебя ждала. Пойдём». И они шли, держась за руки, в его чистый, приготовленный для неё дом. В этой версии всё было просто. Чисто. Как в сказке.

Но физическая усталость, запах хлорки и твёрдая плоть, которую он пилил, медленно, но, верно, разъедали этот воздушный замок. «Нет, - подумал он, отпиливая очередной сегмент. - Так не будет. Она не глупая. Папа её, тот таксист, наверное, научил не ходить с чужими. Она испугается. Оттолкнёт. Закричит».

Мысль о том, что она может на него кричать, как кричала мать, вызвала не страх, а холодную досаду. Она не должна кричать. Она должна быть тихой, понимающей, его. Значит, план нужно менять. Его мысли, уже закалённые в практицизме расчленения, начали работать в новом ключе. Если прямой путь невозможен, значит, нужно создать ситуацию, где у неё не будет выбора. Или, где её выбор будет предreshён.

Он перебирал варианты, как детали в конструкторе.

Подстеречь. Оглушить. Слишком шумно, можно промахнуться, могут увидеть.

Обмануть. Сказать, что папа прислал. Но она позвонит папе. Проверит. Не сработает.

Заманить. Чем? Она не маленький ребёнок, за конфетой не пойдёт. Нужна серьёзная причина.

И тут, в его изменённой логике, сложилась идея. Не украсть её из её жизни. Забрать её от чего-то. От опасности. От боли. От одиночества. Сделать так, чтобы его вариант показался ей лучшим или единственным выходом. Это требовало радикальных мер. Он это понимал. Слово «радикальный» не пугало. Он только что совершил самое радикальное действие в своей жизни. Теперь это был просто инструментарий.

Он закончил пилить, вытер пот со лба тыльной стороной руки. Взгляд упал на свёртки. Утилизация. Контроль. Сокрытие. Те же принципы применимы и к ней. Нужно будет изоли-

ровать, контролировать, скрыть. В голове образ Вики-ангела начал понемногу смешиваться с образом Вики-объекта, который нужно правильно и бережно добыть, транспортировать и разместить. Любовь и одержимость никуда не делись. Они просто обрели новую, чудовищно практичную форму. Его чувства были искренни. И именно эта искренность делала планируемые им «радикальные меры» не злодейством в его глазах, а необходимыми, даже благородными шагами на пути к тихому, совместному счастью.

Артём пилил всю ночь. Монотонный, скрежещущий звук ножовки был единственным, что нарушал теперь уже вечную тишину квартиры. Он работал при включённой вытяжке в ванной и с плотно заткнутой тряпкой под дверью. Это была адская, кропотливая работа, но он выполнял её с той же безэмоциональной точностью, с какой когда-то собирал модели на компьютере. Разделение на составные части. Упаковка. Маркировка в уме.

К утру основная работа была завершена. Ванну и пол он отмыл хлоркой так тщательно, что они блестели, как в операционной. Запах химии перебивал всё остальное. Остальное было аккуратно упаковано в несколько слоёв плотных чёрных мешков, туго перетянуто скотчем. Мешки стояли в углу его комнаты, рядом с компьютерным столом, как странные, безликие тюки.

У него был план на неделю. Каждый день понемногу. «Как выносить мусор, только не из ведра, а из ванной». Он рассчитал всё: время, маршруты, способы утилизации. Первый мешок положил в свой старый, потёртый рюкзак. Не набивал до отказа, чтобы не выглядеть подозрительно. Вышел из дома как обычно, в своей обычной сгорбленной позе. Никто не обратил внимания. Он шёл долго, петляя по дворам, заходя в безлюдные промзоны, на пустыри, к заброшенным свалкам. Мешки выбрасывал в разных местах, подальше друг от друга и от дома. В речушку с мутной водой. В кучу строительного мусора на окраине. В глубокий коллекторный колодец с отбитой крышкой. Разбрасывал части, как семена, чтобы они никогда не сложились в целое.

Перед уходом он совершал ещё один ритуал. Открывал настежь все окна в квартире, особенно на кухне и в своей комнате, где стояли мешки. На улице стояла поздняя осень, ночи были холодными. Ему нужно было, чтобы в квартире было максимально холодно. Холод замедлял процессы. Отсутствие тепла означало отсутствие сильного запаха. Он не мог позволить, чтобы соседи почуяли что-то раньше времени.

Возвращаясь в ледяную, выстуженную квартиру, он чувствовал не страх, а удовлетворение от хорошо выполненной задачи. Препятствие было не просто устранено. Оно было стёрто с лица земли, рассеяно, уничтожено. Теперь пространство было по-настоящему чистым. Готовым. Он ложился спать в своей комнате, рядом с молчаливыми чёрными свёртками, под вой ветра в открытой форточке. Его мысли уже не были заняты «уборкой». Они снова вернулись к светлому образу. К Вике. К тому, как он приведёт её сюда, в этот очищенный мир. Как она всё оценит. Как наконец-то всё станет правильно. Засыпал быстро, с каменным спокойствием. На улице, в разных концах района, разлагались плоды его ночной работы. А в голове зрела новая, ещё более отточенная и чудовищная фаза плана. Мать больше не кричала. Теперь можно было думать о будущем.

Работая с телом, Артём пришёл к железному выводу: ему обязательно нужна машина. Пешком, с сопротивляющимся ребёнком, на виду у всех — это провал. Нужна мобильность, скорость и укрытие.

Он отмылся, переоделся в чистую, хоть и потрёпанную одежду, и подошёл к комоду матери. С детства знал о её «зачатке», не из доверия, а из-за её вечных подозрительных взглядов в сторону шкафа. Открыл нижний ящик, сдвинул стопку старых простыней и нащупал под ними завернутую в полиэтилен толстую пачку. Деньги были не новые, разного достоинства, перетянутые резинкой. Пересчитал. Не так много, но основа есть. Сложил со своими собственными накоплениями. Почти ничего не тратил. Зарплата консультанта, скромная, но

стабильная, уходила на еду и на апгрейд компьютера, новые видеокарты, кулеры, оперативку. Всё остальное копилось в тумбочке, в конверте. У него была цель - мощная система для новых игр. Теперь цель изменилась.

Сумма, получившаяся в итоге, была достаточной. Ему нужна была незаметность и функциональность. И главное срочно. Он не мог откладывать. Каждый день увеличивал риск с матерью (хотя он и был уверен в своём плане), и каждый день отдалял от Вики.

Сел за компьютер, но на этот раз не в игру. Открыл сайт с объявлениями о продаже подержанных машин.

Фильтры: цена минимальная, марка отечественная, район недалеко. Он листал объявления с той же сосредоточенностью, с какой когда-то изучал характеристики холодильников. «ВАЗ-2109, 2001 г.в., требует вложений, ездит» - нет, слишком старая, сломается.

«Лада Гранта, после ДТП, на запчасти» - нет.

«ВАЗ-2114, 2008, в хорошем состоянии, срочно» - кликнул.

Его взгляд стал прицельным, оценивающим. Машина должна быть: невзрачной, чтобы не запоминаться; исправной, чтобы не подвела в ключевой момент; с вместительным багажником или большим салоном. Он нашёл несколько вариантов, записал номера телефонов. Его собственная манера общения, тихая и невнятная, была теперь помехой. Но он придумал легенду: «Покупаю первую машину, не разбираюсь, можно посмотреть?». Робость и неуверенность в этом случае сыграют ему на руку.

На следующий день, отпросившись с работы по «семейным обстоятельствам», он поехал на смотри. Артём был молчалив, кивал, просил завести двигатель, смотрел, нет ли явных подтёков масла. Его интересовало не состояние кузова, а надёжность. В итоге он выбрал ВАЗ-2110 тускло-серого цвета. Машина была в возрасте, но двигатель работал ровно, коробка переключалась, багажник глубоким. Продавец, уставший мужик, был рад побыстрее сбыть железо. Артём почти не торговался. Расплатился наличными, получил старые документы и ключи. Для полной легализации нужно было ставить на учёт, но его это не волновало. Ему нужно было неделю, может, две. Этого хватит.

Он сел за руль. Права он получил ещё в автошколе, но за руль садился редко. Движения были скованными, рывками. Но это не имело значения. Выехав на пустынную дорогу на окраине, стал медленно привыкать к машине. К габаритам. К педалям. К ощущению того, что он теперь не привязан к маршрутам автобусов. Припарковал её в пяти минутах ходьбы от своего дома, на неохраняемой стоянке у гаражей. Сел в салон, пахнувший сигаретами и старостью, закрыл глаза. Теперь у него был ключевой инструмент. Теперь он мог следить. Выследить её распорядок до минуты. А потом... подъехать в нужный момент, открыть дверь, и... Он ещё не знал точно, как произойдёт этот финальный акт. Но теперь барьер между мечтой и реальностью сократился до толщины автомобильного стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.